

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсц. . . 4 р. —

Одѣл. номера по 20 к.

Съ доставкой, и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсц. . . 6 р. —

на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статья в требованіи адресуется въ
ред.-исп. Ломоносовск. д. 3, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ СПб.,

Невская, д. 19, кв. 32.

а также въ книж. маг. Воль-

фа, Нев. Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редаціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книж. ма-

газинѣ Александрова.

Въ Тюменѣ—въ книжн.

агентствѣ Шаврова.

СОДЕРЖАНІЕ: Услуги печатнаго слова.—Тактика мирной борьбы. О.—Хроника.—Корреспонденціи.—Письма изъ Туркестана.—Къ описанію вы-
ставки. (Письма изъ Москвы)—Х.—Кресты и золотопромышленники (очеркъ второй) Д. Нелюбинскаго.—Наброски сибирскаго поэта (сельство).—
Хроника жизни за нѣдѣлю.—Библиографія.—Биржевыя цѣны.

УСЛУГИ ПЕЧАТНАГО СЛОВА.

Часто вниманіе главной сибирской администраціи от-
влекается въѣзными вопросами, мало относящимися къ
мѣстной жизни, то въ вопросомъ о насажденіи культуры въ
пустынях, то о нашихъ вѣзанныхъ границахъ, объ Амурѣ,
о китайскихъ дѣлахъ; при этомъ внутренніе сибирскіе во-
просы остаются въ сторонѣ. Колоссальной заботы о путяхъ
сообщенія, ученія изслѣдованія—все это не привлекаетъ
вниманія. Важные общественные вопросы, даже по отноше-
нію къ русскому населенію, часто игнорируются совсѣмъ и
не возникаютъ, а инопоряду, особенно сѣверные, совершенно
забыты. Такое положеніе дѣла понятно при нашей центра-
лизаціи; сибирскій администраторъ обращаетъ главное вни-
маніе на тѣ части управленія, которыя его могутъ выдѣлнуть
въ ряду вонъ предъ центральной властью и показать его
государственныя способности. На вопросы же узко-мѣстные,
въ родѣ поголовнаго вымиранія какого-нибудь небольшого
племени отъ оспы или голода, которые не считаются госу-
дарственнымъ, сибирская администрація не обращаетъ вни-
манія. Въ Петербургѣ знаютъ только о вопросахъ на Уссури, и
сибирская администрація всѣ свои заботы направляетъ на
Уссури. Начинаетъ приобретать значеніе въ глазахъ Петербур-
га устье Енисея, полетаютъ и отъ сибирскаго начальства
чиновники къ устью Енисея и проекты въ Петербургъ объ
устьяхъ Енисея. Но о томъ, что творится въ мірѣ якутовъ,
тунгусовъ или невѣзанныхъ даже по имени долганъ, уралоковъ
и проч., объ этомъ сибирская администрація обыкновенно также
мало знаетъ, какъ и петербургское начальство, и объ образѣ
жизни этихъ часто очень несчастныхъ людей имѣетъ-акаде-
мичъ въ Петербургѣ знаетъ гораздо больше, чѣмъ иркутскій
членъ совѣта главнаго правленія. Переодная статья въ № 2337
«Новаго Времени» показываетъ, до какихъ печальныхъ по-
сѣдствій доводитъ такой порядокъ управленія отдаленной
окраиной, при которомъ единственному онекуномъ за весь
край является бюрократія, и не существуетъ никакихъ мѣст-
ныхъ органовъ въ родѣ независимой отъ мѣстной власти прес-

сы, служащихъ бы средствомъ къ обнаруженію разнаго зпа
и его причинъ.

Управленіе нашими отдаленными окраинами отличается
необыкновенною своеобразностью; пока генералъ-губернаторы
со своими канцелярскими свѣтя въ Петербургѣ, говорятъ га-
зета, и сочиняютъ разныя бумажные проекты какъ извѣстный
край развить, пути сообщенія улучшить, просвѣщеніе развить,
то самое населеніе, о которомъ проявляется столько бюрокра-
тической заботливости, смотритъ и вымерло по недостатку,
а для спасенія населенія, быть можетъ, достаточно было бы
и тѣхъ средствъ, которыя употребляются на прогулки въ
Петербургъ.

Кто, напримѣръ, слышалъ здѣсь о бѣдствіяхъ на берегахъ
Охотскаго моря, а между тѣмъ, по словамъ «Иркутскаго
Епархіальныхъ Вѣдомостей», въ прошломъ году отъ голода
вымерло чуть не все населеніе въ прибрежныхъ округахъ
отъ Удскаго края до Анадырскаго залива, т.-е. примѣрно на
протяженіи до пяти тысячъ верстъ.

Свѣдѣнія объ означенномъ бѣдствіи мы извлекаемъ изъ
отчета камчатской духовной миссіи, изъ котораго видно, что
труды миссіонеровъ въ камчатскомъ отдѣлѣ были неудачны
по недостатку усердія или знанія дѣла со стороны мис-
сіонеровъ, а вслѣдствіе ужаснѣйшаго голода, происшедшаго
отъ неурожа рыбы въ теченіи двухъ лѣтъ, заставившаго ту-
земцевъ разбрести въ поодинокіе для присяжки себѣ ищи,
такъ что гдѣ прежній миссіонеръ находилъ цѣлое стойбище,
въ отчетномъ году онъ не нашелъ и слѣда человѣческаго.
По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ одного камчадала, въ однихъ
знакомыхъ ему стойбищахъ, бывшихъ близка его ко-
чевья, въ отчетномъ году умерло отъ голода болѣе 500 чел.
Миссіонеръ бывалъ радъ, когда на огромномъ пространствѣ
встрѣчалъ одно или два семейства...

Интересно бы знать, какія мѣры были употреблены въ
эти два года для подачи помощи голодающему населенію на-
шей отдаленной окраины? Тамашнее населеніе нисколько не
менѣ заслуживаетъ вниманія, нежели жители центральныхъ
губерній Россіи. Оно даже имѣетъ право на особое попече-
ніе, въ виду того, что двѣсти лѣтъ подъ рядъ мы ничего для

него не дѣлали, кромѣ того, что грубо эксплуатировали черезъ казаконъ, агентовъ русско-американской компании и земскихъ чиновниковъ, между тѣмъ населеніе продолжало оставаться преданнымъ Россіи, что доказано фактами въ восточную войну 1853—1856 годовъ.

Вымираніе, голодъ, болѣзни и бѣдствія породивъ не первый примѣръ, они повторяются постоянно. Дѣло объ устройствѣ быта породивъ тянулось въ Западной Сибири 40 лѣтъ и ничѣмъ не кончилось; въ мѣстныхъ канцеляріяхъ оно прекращено, а новыхъ свѣдѣній не собирается.

Интересно, что извѣстіе о народномъ бѣдствіи, постигшемъ отдаленный край Сибири, петербургская газета замѣстовавшая частью изъ «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», т.-е. изъ изданія, несостоящаго подъ цензурою главнаго управленія Восточной Сибири. Понятное дѣло, что подобное извѣстіе никогда бы и не появилось въ другой мѣстной газетѣ, какъ состоящей подъ надзоромъ чиновника, зависимаго отъ главнаго начальника края, хотя бы и было въ нее доставлено. Не свидѣтельствуемъ ли этотъ случай, какую могла бы оказать важную помощь народной жизни мѣстная журналистика въ этомъ отдаленномъ краѣ, изысканіемъ исключительныхъ условий.

Съ другой стороны, подобные факты и прискорбныя явленія, открывающіяся періодически въ сибирской жизни, указываютъ, въ какомъ положеніи находится Сибирь и что особая уполномочія генералъ-губернаторовъ недостаточны всемогущи, чтобы предупредить бѣдствія и неормальное положеніе дѣлъ. Мѣстная власть, напротивъ, боясь ответственности и запроса изъ Петербурга, стремилась доселѣ скрыть всё, что у ней дѣлается, и защищаетъ своихъ вѣроустроенныхъ агентовъ, хотя для всего общества бываетъ ясно, что иногда дѣла идутъ не въ порядкѣ, а любимцы не оправдываютъ довѣрія назначившихъ. Несмотря на безлѣзность и мѣстную цензуру, однако часто разрозняются такіа злоупотребленія и обнаруживаются послѣдствія ихъ, на которыя невольно приходится обратить вниманіе. Въ послѣднее время, печать начинаетъ поднимать завѣсу съ сибирскихъ дѣлъ; но она могла бы еще болѣе принести пользы высшему центральному правительству, открывая именно то, что въ силу отдаленности и особаго положенія Сибири можетъ укрываться. Эта печать, неподкупная и безпристрастная, если ей будетъ дозволено, можетъ оказывать серьезныя услуги, восстановить въ глухихъ мѣстахъ довѣріе къ правительству, укрѣпивъ надежды, что голосъ мѣстнаго населенія будетъ услышанъ, и что для отдаленныхъ мѣстъ также существуетъ справедливость, истина и законъ.

ТАКТИКА МИРНОЙ БОРЬБЫ.

У мирной борьбы также есть тактика, какъ и у военной. И тактика эта здѣсь также своя, какъ и тамъ, непохожая на другую. Въ военной тактикѣ существуетъ законъ: развивать успѣхъ. Не воспользоваться своей побѣдой, или воспользоваться ею неполнѣй, — есть тамъ ошибка, и очень грубая. Атакуютъ ли тамъ врага, — надо атаковать его не слегка, не наполювину, а напротивъ, всеми возможными силами и со всею возможною энергіею. Побѣди врага, сбивъ его съ позиціи, — этого тамъ мало: надо еще непременно преслѣдо-

вать, и преслѣдовать не шутя, а со всею безпощадностью; иначе побѣда неполна, ею не можн или не умѣя воспользоваться. Наконецъ, загнали врага, обратили его въ долгие бѣгство, искрошили наполювину, — и это не все: необходимо развить успѣхъ, надо, не давъ ему опомниться отъ пораженія, постигнуть напасть на него въ другомъ мѣстѣ, повести ему другое, третье такое же пораженіе. И такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока самъ онъ не попроситъ пощады. Умѣ рѣшиться въ пораженіи была бы вещь несмысленная и воинѣ, и если она когда нибудь случается, то развѣ только по неволѣ, но никогда добровольно, преднамѣренно. Инстинтивное предрасположеніе воюющихъ сторонъ къ неизмѣренности въ борьбѣ одобряется также и сознательная мысль, какъ это видно изъ того, что оно записано въ науку войнъ въ видѣ одного изъ ея правилъ.

Совсѣмъ другія условія побѣды во всякой мирной борьбѣ. Возьмемъ, напримѣръ, сперва борьбу судебную, борьбу между обвиненіемъ и защитою. Инстинктъ борьбы и здѣсь, правда, тотъ же самый, что на войнѣ: это — обвинить во что бы то ни стало и какъ можно болѣе, или же во что бы то ни стало и какъ можно болѣе оправдать. У зауряднаго рутиннаго прокурора или адвоката такъ оно, какъ извѣстно, и бываетъ. Но всякій изъ нихъ, который мало-мальски удумывается въ свое дѣло и наблюдаетъ результаты различныхъ способовъ нападенія и обороны, очень скоро приходитъ къ заключенію, что неизмѣренность въ томъ и другомъ скорѣе здѣсь вредна, чѣмъ полезна. Въ самомъ дѣлѣ, если одна изъ этихъ сторонъ уже слишкомъ напрягаетъ свои усилія, если она угрожаетъ свое обвиненіе или защитѣ, если пріобрѣтаетъ къ натяжкамъ, то она почти навѣрное и безъ исключенія возстанавляетъ противъ себя всѣхъ присяжныхъ заседателей. Насиліе надъ ихъ совѣстью не можетъ не вызывать въ нихъ соответственныя реакціи. А всякая реакція, развѣ она вызвана, останавливается не тамъ уже, гдѣ ей бы слѣдовало, гдѣ лежать пограничная черта, а идетъ, напротивъ, впередъ и переходитъ эту черту какъ разъ настолько же, насколько перешло ее насиліе. Сила уругости и здѣсь, повидимому, пропорціональна силѣ давленія. Оттого-то такъ часто случается, что, при всей слабости и неспособости защиты, при полной ея неприязнательности въ пользу обвиняемаго, присяжные, однакоже, оправдываютъ его, оправдываютъ тамъ, гдѣ безъ лишннихъ усилій прокураторы они не оправдали бы. Еще болѣе подтверждаетъ эту истину практика заурядныхъ изъ числа предсѣдателей судовъ. Ихъ пресловутое резкое бываетъ обыкновенно второю обвинительною рѣчью, такъ что сами прокуроры не имѣютъ тогда обыкновенно никакой надобности возражать защитѣ, въ полной увѣренности, что возраженіе это будетъ сдѣлано предсѣдателемъ. А если имѣется эта увѣренность, то прямой расчетъ прокурорскій требуетъ никогда не возражать имъ самими: ихъ собственное возраженіе можетъ быть еще и опровергнутымъ, тогда какъ возраженіе предсѣдательское не можетъ быть даже опровергаемымъ. Если же предсѣдатель, какъ это иногда случается, еще и въ теченіе судебного слѣдствія относился къ подсудимому съ явн притязаніемъ предубѣжденіемъ и проинически, или былъ къ нему жестокъ, грубъ, несправедливъ, не давать ему или его защитнику объясняться, — то защитѣ не нужно почти и рѣшиться держать: она можетъ быть, въ свою очередь, увѣрена, что за нее и безъ того будутъ присяжные, какъ за проку-

пора былъ председателемъ. У насъ очень часто задаютъ вопросъ о большомъ процентѣ оправданій по отношенію къ осужденіямъ, и при этомъ объясняютъ такой результатъ различными причинами. Но въ числѣ этихъ причинъ никогда не подозрѣвается вышеописанная практика, никогда не подозрѣвается то обстоятельство, что у насъ существуютъ, обыкновенно, два обвинителя противъ одного защитника и двѣ обвинительныхъ рѣчи на одну оправдательную. Напротивъ, предполагая скорѣе, что процентъ оправданій зависитъ именно отъ недостатка усердія со стороны прокуроровъ и председателей, а тѣмъ только еще больше способствуютъ увѣковѣченію этого процента. Изъ всего же этого слѣдуетъ, что въ борьбѣ судебной, тѣмъ энергичнѣе напрашивается на врага, тѣмъ вѣрнѣе проигрываешь, а не побѣждаешь, и что, слѣдовательно, здѣсь законъ побѣды совсѣмъ иной, тѣмъ на войнѣ, потому что это законъ умѣренности. Развивать свой успѣхъ—здѣсь никакъ не можетъ быть возведено въ правило сознательной тактики. Напротивъ, тѣмъ спокойнѣе, умѣреннѣе, безпристрастнѣе судебный борецъ, тѣмъ и побѣда его вѣрнѣе. Сдержанный, спокойный прокурорскій рѣчи—настоящая гроза для защитниковъ, и совершенно неотразима для присяжныхъ засѣдателей, если только не поусердствуетъ съ своей стороны председатель.

Подобныя же послѣдствія умѣренности и неумѣренности наблюдаются и во всякой законодательной борьбѣ, гдѣ она имѣетъ мѣсто. Достаточно, напримѣръ, какому-нибудь Виконсфильду слишкомъ зарваться въ своихъ военныхъ популяризаціяхъ, въ своей виѣшней политикѣ, чтобы общественная совѣсть тотчасъ же перенѣслась на сторону его противниковъ и призвала на его мѣсто Гладстона, т. е. противопоставила идеалы внутренніе, мирные. Но и Гладстонъ, въ свою очередь, также не долженъ слишкомъ далеко увлекаться по этой дорогѣ: онъ можетъ, до извѣстной степени, проводить свои убѣжденія по ирландской реформѣ; но каждый разъ, какъ онъ захотѣлъ бы довести ихъ до конца, онъ долженъ будетъ немедленно уступить свое мѣсто другому, или же, если онъ этого не захочетъ, то долженъ будетъ воздерживать себя самъ на время, какъ это съ нимъ и случилось послѣ убійства лорда Кавендиша, въ его принудительномъ былѣ. Вообще, періодическая смѣна торіевъ вигами и виговъ торіями есть послѣдствіе не чего нибудь иного, какъ именно періодическаго переступанія границъ своихъ то тѣмъ, то другимъ направленіемъ, послѣдствіе неумѣренности то одной партіи, то другой. Самое набраніе этихъ партій есть опять результатъ не другой причины, а той же. Убѣжденія, образъ мыслей, доктрины политическія суть достояніе только одной, только меньшинства, но никакъ не маіоры. Въ этой послѣдней направленіи мѣняются не вслѣдствіе перемѣны мнѣній, взглядовъ, теорій, но вслѣдствіе ренегатства и измѣны, которая ей даже недоступна, а просто въ силу уступости противъ давленія, въ силу чувства мѣры, т. е. свойствъ, доступныхъ всѣмъ и каждому, точно также, какъ и двѣнадцатіи присяжныхъ въ судѣ. Разница только въ томъ, что здѣшніе присяжные гораздо многочисленнѣе тѣхъ, потому что это суть всѣ избиратели; и въ томъ также, что они рѣже собираются и провозгласятъ вердиктъ свой только на выборахъ. Сказанное о Виконсфильдѣ и Гладстонѣ вполне применимо и къ Гамбеттѣ, когда онъ слишкомъ далеко хотѣлъ зайти по дорогѣ своихъ идеаловъ: вся популярность его, вся

власть надъ умами какъ рукой снята на нѣкоторое время. Онъ не сумѣлъ обуздать себя добровольно, какъ Гладстонъ, а потому обуздать поневоле. Самъ даже Бисмаркъ находится на томъ же пути, поочередно теряя изъ-подъ ногъ своихъ то ту, то другую почву. Такимъ образомъ, и здѣсь закономъ побѣды является только умѣренность, а никакъ не военный законъ развитія успѣха.

Въ административной борьбѣ исторія та же самая. Пока администрація Наполеона III была безпощадна къ коммунарамъ, она только усилила ихъ вѣдніе и значеніе, усилила, переводя на ихъ сторону общественное чувство мѣры, чувства состраданія, такъ что какой нибудь Рошфоръ становился героемъ и оракуломъ не для однихъ своихъ адентовъ. Когда же нѣвышнее правительство Франціи отнеслось къ своимъ крайнимъ партиямъ снисходительнѣе, умѣреннѣе,—онъ тотчасъ же лишился всего своего обаянія; и тотъ же самый Рошфоръ, который былъ когда-то такою силой, сталъ теперь ничтожествомъ. Такимъ образомъ, и въ этой мирной борьбѣ побѣждаетъ только умѣренность, а неумѣренность, развитіе своего успѣха, напротивъ, только проигрываютъ. Правда, здѣсь нѣтъ того нарочитаго формулированія побѣды и поражений, какое есть въ судѣ и въ законодательствѣ; но за то роль присяжныхъ и избирателей играть здѣсь вообще публика, а роль вердикта и выборовъ—состояніе умовъ, общественное мнѣніе.

Откуда же можетъ происходить, на чемъ основывается, гдѣ коренится такая разница двухъ тактикъ? Корней ея надо искать, конечно, въ различіи двухъ такихъ состояній общезжитія, какъ миръ и война *). Въ войнѣ вопросъ идетъ о самой жизни и смерти сторонъ: въ мирѣ же—только о способахъ жизни для обѣихъ, о modus vivendi. Война потому и возникаетъ, что не оказывается никакой возможности компромисса между двухъ противоположностей; тогда какъ миръ тѣмъ именно и знаменуется, что между двумя борющимися противоположностями всегда есть вѣчто третье, есть возможность сдѣлки, примиренія. Вся мирная жизнь есть не что иное, какъ обширная сѣть безчисленныхъ и разнообразныхъ сдѣлокъ между многоразличными противоположностями общезжитія. Ни одинъ принципъ, ни одно начало, ни одинъ элементъ не существуютъ здѣсь, и не могутъ существовать во всей своей чистотѣ и исключительности. Напротивъ, каждый изъ нихъ, какъ бы онъ ни казался господствующимъ, торжествующимъ, всегда имѣетъ свою обратную сторону, и притомъ такую, которая усиливается именно по мѣрѣ торжества первой. А потому искоренить, вырывать съ корнемъ противника, значить здѣсь—вносить въ мирную борьбу тактику военной, что такъ же противорѣчительно, какъ внесеніе мирной тактики въ войну. Вотъ почему умѣренность не только есть, но и неминуемо должна быть закономъ мира, какъ неумѣренность есть законъ войны. Мѣсто для этой разницы наступаетъ всякій разъ тотчасъ же, какъ только военныя дѣйствія прекратились; такъ что мудрость и всякаго мирнаго договора, оканчивающаго войну, состоитъ именно въ умѣренности побѣдителя; неумѣренность же и здѣсь всегда со-

*) Оба они суть не что иное, какъ борьба, борьба непрестанная и попятная, но оба они суть различные виды борьбы; и если мирный видъ отличается отъ военнаго, то именно тѣмъ, что безусловнымъ предѣломъ перваго есть сохраненіе жизни для обѣихъ сторонъ, что и въ во второмъ.

ставляет грубую ошибку политики. Наполеон III, своей умберенностью при заключении съ нами парижскаго мира, тотчас же обратилъ враговъ въ друзей; тогда какъ версальскій миръ Бисмарка съ Франціей не прекратилъ, а только отсрочилъ и увѣловилъ вражду.

Этотъ законъ мѣры, или законъ компромисса, наблюдаемый на великомъ давномъ мѣстѣ и во всякую минуту, распространяется также и на тѣ вѣковыя тяжбы, которыя тянутся по цѣлымъ столѣтіямъ между тѣми или другими социальными контрастами. И тутъ каждому изъ нихъ, какъ бы онъ ни былъ великъ и историченъ, необходимо всего знать себѣ мѣру, знать, гдѣ остановиться въ своемъ побѣдномъ шествіи. Наполеонъ I погибъ оттого, что не зналъ мѣры своему торжеству: чѣмъ больше онъ торжествовалъ, тѣмъ больше подлилъ враговъ себѣ, такъ что подъ конецъ у него не осталось друга ни въ Европѣ, ни во Франціи. Въ нашей собственной исторіи примѣры тому также немалочисленны. Къ числу ихъ принадлежитъ, между прочимъ, и великая борьба нашей централизаціи и децентрализаціи. Началась она въ нашей исторіи, какъ извѣстно, полнымъ, слишкомъ даже полнымъ торжествомъ децентрализаціи въ системѣ удѣловъ. Всѣ земли таяли тогда врозь, и достигая до того, что были забраны поодиночкѣ въ татарскія руки. Урокъ былъ жестокъ, онъ тотчасъ же подбѣговалъ: одна крайность, достигшия до своего нес plus ultra, тотчасъ же и неминуемо породила стремленіе къ другой. Московскій періодъ нашей исторіи былъ не что иное, какъ постоянный процессъ реакціи противъ прежней децентрализаціи. Цѣлыя четыре столѣтія пошла на то, чтобъ раздѣлать работу первыхъ четырехъ столѣтій, и произвели, наконецъ, такую центральную силу, какъ Петръ Великій и Петербургъ. Что централизація эта не изжила себя и въ послѣдніи два столѣтія, петербургскія, блестяще тому доказательство — наши послѣднія преобразования. Централизація, которая была способна вывести народъ свой изъ рабства египетскаго, дать ему первую волю слова и мысли—въ попыткахъ беззвучнаго мышленія, дать первую волю дѣятельности его—въ попыткахъ самоуправленія,—такая централизація, конечно, далеко еще не пережила себя. Но, тѣмъ не менѣе, есть или долженъ быть и для нея предѣлъ, котораго переступить не въ состояніи никакое колѣбательское могущество. Есть предѣлъ, на которомъ централизація или совсѣмъ перестаетъ творить, или же, если это и случится, то именно отрицаніе свое, соперничу свою, какъ это и случилось уже однажды въ попыткахъ мѣтнаго самоуправленія. Вотъ зто-то предѣлъ и стоитъ теперь на очереди, и составляетъ нашъ историческій идеалъ ближайшаго будущаго. Неумѣренность въ централизаціи была бы такою же пагубною и искупалась бы такъ же дорого, какъ когда-то искуплена была, и какъ искупается, до сихъ поръ, наша удѣльная неумѣренность децентрализаціи. Въмѣсто двухъ послѣдовательныхъ крайностей предстопитъ середина; вмѣсто двухъ исключительностей—компромиссъ между обѣими.

ХРОНИКА.

Отъѣздъ изъ Петербурга новаго генералъ-губернатора Туркестана сопровождался различными пожеланіями ему на томъ трудномъ государственномъ посту, который представляетъ управление среднеазиатскими владѣніями. Въ послѣднее время немало было разобла-

чено тѣми сторонами въ жизни Туркестана. Люди желавшіе близка краю тамъ вызывать въ своихъ корреспондентахъ въ редакціи. Нѣтъ сомнѣнія, что устройство края и задачи, намѣченные выше, далеко еще не исполнены. Сближеніе русскихъ людей съ туземцами не завершено ни основательно на ложномъ фундаментѣ. Первые индустриаторы, вывѣсивъ сюда, далеко не удовлетворили требованіямъ, и представляли изъ себя контингентъ далеко не всегда благожелательный. Собственно призываніе и проведеніе просвѣдительныхъ и просвѣдательныхъ началъ еще не начиналось. Нечего говорить о провозѣ «ташкентской цивилизаціи»; самое это слово получило провозное значеніе. Почвоу сближенія между русскими чиновниками и богатыми туземцами явилась спекуляція, причемъ остальное населеніе страдало. Устройство военнаго управленія и укрѣпленіе русской осадности въ новозавоеванныхъ странахъ требовало расходовъ, но эти расходы превзошли всякую мѣру и отнимали тяжело на государственномъ бюджетѣ. Они не могутъ, въ заключеніе, продолжаться до безконечности и чрезвычайное не можетъ получить значенія поземнаго. Огромныя содержанія и безконтрольная экстраординарныя суммы порождали чрезвычайную роскошь. Официальныя набои проказали богатства прежде, чѣмъ успѣли создать промышленность и увеличить производительность края. Понятно, что результаты явились истощеніе и государственной казны и населенія. Всею этому наступаютъ время положить конецъ. Задача наша въ Туркестанѣ нынѣ могутъ быть болѣе скромныя, но и болѣе почетныя. Отъ политики генерала Черныева ожидать именно простоты въ правахъ, экономіи въ бюджетѣ и человѣколюбія къ туземцамъ. Вотъ какъ характеризовали его дѣятельность недавно нѣкоторые петербургскія газеты.

«Если генералъ Черныевъ оставилъ по себѣ въ Азіи поземное имя, то это именно потому, что вся его политика въ отношеніи туземцевъ была основана на строгомъ уваженіи къ ихъ исключительнымъ и обычному праву. Внушеніе съдѣланныхъ владѣльцамъ чувствъ „подвлажности“ и „зависимости“ достигается вовсе не путемъ предвѣрительнаго нарушенія и оскорбленія ихъ обычаевъ, а совсѣмъ иными путями“.

Въ „Новомъ Времени“ передаѣ разговоръ корреспондента „Times“ съ генералъ-губернаторомъ Туркестана. ~~Следуетъ~~ ~~сказать~~ ~~какимъ~~ ~~вымпалемъ~~ у насъ нынѣ пользуются представители печати иностранной. Новый администраторъ, по словамъ корреспондента „Times“, будетъ заниматься внутренними вопросами.

Предстоитъ исправленіе дорогъ, водяныхъ сообщеній, ирригаціи, судоходства по Сыръ-Дарьѣ, поднате хлопчатобумажной промышленности; для первыхъ двухъ дѣлей образовалось въ Москвѣ въ обществѣ, подъ покровительствомъ генерала; наконецъ, есть множество другихъ спеціальныхъ интересовъ. Прежде всего генералъ Черныевъ намѣренъ самъ объѣздить весь край для осмотра. Рекогносцировочная коммиссія, назначеніе которой генералъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, сама по себѣ составляетъ дѣло, требующее довольно продолжительнаго времени. Во главѣ ее стоитъ г. Гирсъ, братъ министра иностранныхъ дѣлъ, человекъ опытный въ подобныхъ дѣлахъ. Въ минувшее царствованіе онъ, какъ говорятъ, былъ ирригационной увольненія многихъ губернаторовъ, злоупотребленія которыхъ онъ выводилъ на чистую воду; вслѣдствіе этого покойный Государь прозвалъ его „le meneur de gouverneurs“. Г. Гирсу будетъ помогать въ его задачѣ вновь назначенный консулъ кашгарскій, г. Петровскій, весьма способный дѣятель, опытный въ дѣлахъ Средней Азіи“.

Г. Петровскій, прибавимъ мы отъ себя, извѣстенъ какъ знатокъ Средней Азіи. Когда-то выступивъ въ печати, онъ оказалъ серьезныя услуги, указавъ много недостатковъ туркестанскаго административнаго. Такое назначеніе въ высшей степени благопріятно и соотвѣтствуетъ дѣлу. Что касается развитія хлопчатобумажной промышленности въ край, ирригаціи, судоходства при помощи компаній, то, конечно, они не входятъ въ область административной дѣятельности и могутъ только находить сочувствіе въ администраціи. Но въ немъ иногда приходится относиться весьма осмотрительно. Туркестанъ, вѣдь, куда пробиваетъ дорогу и спекуляція. Извѣстенъ опытъ одной компаніи по разведенію хлопка, устройство коннозавода и пр., это Б. Г. Савенкова; повтореніе подобныхъ опытовъ едва ли желательно.

Нам пишут, что на Томской пароходной пристани повторяются случаи загадочных убийств. Приставы от города верстах в двух, в трех. Объясняются преступления здесь весьма просто. На приставках для работы стекается масса сельских, бродяг, бонапартистов, беглых и т. п., из них выделяется шайка грабителей. На пристани живет пристав Ш... и отлично понимает, в чем дело, но труд сорочодного народа дешевле для пародчиков. Это заставляет смотреть снисходительно; кроме того, от такого народа легче чтонибудь переждать. Вообще, имена таких охранителей порядка, как г. Ш... и пристав Юрточной части А. не пользуются репутацией в Томске. За многими полицейскими чинами числятся уголовные дела, как сообщает томский корреспондент в „Русск. Кур.“

Нам получены подробности о беспорядках на приставке Базанова: сотник Пашенко давно отличался нетрезвой жизнью. Он посадил рабочего на цепь в арестантской. Рассказывают, что на приставках работам выдавалось вытебо фунта мяса на человека только три четверти. Дело стараются замаять, так как здесь были интриги одного управляющего против другого. Иркутяне говорят, что приставки после беспорядков должны отойти в казну, если будет доказано, что здесь злоупотребления. Пашенко донес, что он совершенно здоров после столкновения с рабочими.

Ну, и слава Богу!

Объ Алтайской ревизии нам пишут, что члены ее объехали различные заводы и рудники. 24 июля в. Салаир был адъютант-профессор Войлвайт, 22 проехал на Гурьевский завод Тосса, 26 в Салаир был князь Ухтомский, 30 прибыл в Салаир г. Ваганов. Д. С. С. Ржевский занимался в Барнаульскими делами горного управления. В средние же лета выехал в Зыбноторек. 11 августа готовился совет комиссии вкуп с горными чинами.

Говорят, что комиссией открыты злоупотребления по лесной части. В Барнауль комиссия осматривала запереть и нашла его в крайне безобразном состоянии.

В дополнение къ сообщенному нами в № 15 известию о пароходе г. Сибирякова „Норденшельд“, отправившемся 24 июля (6 июля в. ст.) в. Ротенбург в. устьем Енисея, имеем возможность добавить, что пароход этот, под командою знаменитого норвежского промышленника Юганесена, повез къ месту назначения преимущественно английские товары и вернется в Европу лишь будущим летом. Зимовать он будет в Енисее, у Курейки, под полярным кругом.

Кроме того судно „Диана“ доставит партию разного товара из Томске в Никольское селение (Хабарово) в Югорском шаре, откуда эти товары будут пересланы в Обдорск на оленях. Кроме упомянутых судов в северно-сибирских водах в настоящее время наavigation будут находиться пароходы г. Юона „Луиза“ из Бремена, пароход „Норна“, который доставит в Диксонову гавань переносная газовская полярная метеорологическая станция и датский пароход „Даймарна“ под командою лейтенанта Хюгстаарта, объ экспедиции которого подробно сообщено нами в № 9.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Томск (корресп. «Вост. Обзор»). Внимание томского общества в настоящее время устремлено на два возникших недавно учреждения — «общество попечения о начальном образовании в г. Томске» и «вольное пожарное общество». Доступ в эти общества представляет весьма и каждому без различия, с небольшими членскими взносами. В первое общество записалось пока больше 400 человек, а деятельность его намечена на самых широких началах. Возникновение второго, не менее полезного общества, принадлежит исключительно Александру Франциевичу Жилко, который, сказав в случае употребляет немало трудов на пользу тюремному комитету, в качестве директора, и многими другими учреждениями,

которых я здесь не буду касаться, чтобы не заподозрили въ пристрастности. Томское вольное пожарное общество состоит из 363 членов, подписавших членских взносов 1,177 р., из которых 232 р. остаются невнесенными — по причинам более или менее уважительным. Кассовый приход составляет на 1-е августа: членских взносов 944 р. 90 к., получено за знаки 5 р. 50 к., выручено от концерта 135 р., всего 1,085 р. 40 к. Общество располагает: пожарной машиной, пожертвованной пот. почетн. гражд. Михайловым, которая стоит 200 р.; кроме этой, есть машинный ящик к де-Г—та, тремя барновыми ложами и одним легким экипажем с инструментами, щитами, рубанками для действия на пожар и проч.

На все первоначальное оборудование израсходовано пока 811 р. и остается неизученными на разных счетах и за содержание лошадей до 200 р. Таким образом, общество открыло свои действия сравнительно при весьма ограниченных средствах, и можно с уверенностью сказать, что оказанными до сих пор услугами при тушении пожаров оно принесло городу ту несомненную пользу, которая уже сознается и оценивается по достоинству. Ограниченность денежных средств не позволяет обществу даять лишних затрат и расширять круг своих действий въ отношении материальных улучшений. Въ виду сокращения расхода, предполагается резерв, въ вид распределенных по всему городу пожарных машин, бочек и проч. — успеть; причем помещение и наболение за машинами, въ летнее время, общество думает поручить членамъ из домохозяев. «Если пожарное общество — горюит г. Живал — и вред будет пользоваться у городских жителей добротой, которое оно уже успело заслужить, то нельзя сомневаться в томъ, что оно разовьется и достигнет члена». Но, къ сожалению, томины далеко не солидарны съ желанием и уважением обоимъ обществъ, такъ какъ 35-тысячное население, какъ видите, не могло дать и тысячи покровов обществу съ больше или меньше крупными взносами, а отъ такого города, какъ Томск, действительно можно было бы ожидать более существенного содействия благому делу. Неужели еще не пора отнестись отъ патристальной спячки и апатии?

Омск, 15 июля (корресп. «Вост. Обзор»). Ни въ одномъ изъ городовъ западной Сибири нтъ столькожъ учреждений, управлений, «обществ» и «лицъ», занятыхъ созданиемъ всевозможныхъ мѣроприятий на бумаге; клонящихся ко благу Сибири, сколько ихъ въ Омскѣ, который по истинѣ является городомъ Акакиевичъ Акакиевичей, заступающихъ административный тонъ всей западной Сибири. Подуленные Омску городу съ страхомъ и трепетомъ внемлютъ этому счастливцу. Слова, сказанныя нарокомъ и ненарокомъ въ кабинетахъ сановниковъ, съ быстротою телеграфа разносятся по округности и слушаются со вниманіемъ, достойнымъ гораздо больше серьезнаго дѣла. Предсталя изъ себя, какъ центрально-полномочный пунктъ, олицетворение порядка и законности на бумаге, онъ безусловно требуетъ этого де факто отъ другихъ. Но это и только... На самомъ же дѣлѣ, видя дѣла не легко обитой законъ, попасть въ какое нибудь милое исключение или заручиться «снисхожденіемъ», какъ легко это сдѣлать въ Омскѣ. Въ такихъ случаяхъ, на вырчку являются и «особенности края» и «исключительность положенія», и «местныя (климатическія даже) условія», и многое другое. Въ этомъ уречкутъ насъ нельзя — наши казуисты канцелярскія тайны постигли во всей полнотѣ. А такимъ громкимъ доводамъ, какъ «продолжительность и суровость зимы», «частые снѣжные бураны» — такъ положительно слѣдуетъ вознннуть памятникъ за долготѣлю и безпорочную службу.

Но до конца 1880 года наши казисты чувствовали над собою известный контроль, они постоянно испытывали возмущение: чуть кто задирался или спорил с прямой дороги, его сейчас же убрали и заменили новым, неспособным ни на то, ни на другое; но в конце 1880 г. в особенности, в начале 1881 года чиновничество вдруг почуло розмарин—в воздух запахло «жареным». — По хорошо было поспать сном праведника в тиши родных палестин, вдали от всяких реформ и начинаний, вдали от строгого контроля общества, в странной полнейшей безгласности (дьявол коза — в лес не убьют); то ли дьявол посвящать свободное время размышлениям о вкусных обедах и веселых пижиках, с неизбежным, в заключении, «винтом».

Действительно, жизнь в последние время отражала это расхождение духа мѣстной чиновности. В рабочих кабинетах появились даже волчки и игрушки. Один областной дьялец, любивший испивать горькую, вдруг сбѣгала армянским любителем музыки на наших благотворительных вечерах, и говорил, что лучшего наслаждения не зналъ послѣ англійской горькой. Словом, пошла мода на развлечения.

А мѣстные вопросы,—все они куда-то пропали, куда-то ступивались. В губерніях, между тѣмъ... стонъ-стономъ стоялъ. Взятчиничество и поборы, кулачество и обидѣние, безправіе и негодность старого до-реформеннаго суда—все эти признаки времени настоятельно требовали реформы, а мы въ это время, унывалъ «винтомъ», съ замираніемъ сердца старались выиграть сомнительную игру, въ которой одинъ только неудачный ходъ могъ безповоротно испортить все дѣло, и какъ на грѣхъ, на этотъ разъ не вышло. Ловчуху многихъ приржили. Да и пора. Но многимъ эта alma mater была очень по душѣ. Для многихъ благи цѣли давно ожидаемой вѣтви реформы были не по вкусу переть лично незволно. Въ самомъ дѣлѣ, какое намъ дѣло до того, что для двухъ милліоновъ населенія (Тобольской и Томской губерній) уничтожена одна изъ главныхъ претрѣхъ, мѣшавшихъ имъ ступить въ новую жизнь, освѣщенную реформами носратива царствования, когда та же реформа такъ безжалостно нарушила нашъ покой?..

Конечно, одного только отдѣленія этихъ губерній далеко недостаточно, чтобы на этомъ остановиться. Претрѣтотъ, вѣрнотю, цѣльнй радъ реформъ, и если вѣрнотю людямъ знающимъ дѣло и вѣдѣвшимъ наши порядки, то сенаторская ревизія принесла бы очень много пользы...

Но все-таки эта реформа и въ настоящее время кое-что обдѣлчала; такъ, напр., учебное дѣло она поставила въ совершенно самостоятельное положеніе, и будемъ надѣяться, что лица, которымъ вѣрено это дѣло, не примнутъ воспользоваться выгодными условіями. А то въ последнее время учебное вѣдомство было особенно богато самыми разнообразными курьезами. Возьму на выдержку хотя одинъ: въ концѣ курса, одна изъ воспитаницъ Омской женской гимназіи, пользовавшаяся особымъ протекторатомъ «прдержачихъ», затруднилась написать сочиненіе, кажется по русскому языку. Хотя въ этомъ не было ровно ничего особеннаго, но власти обого пола взглянули на это совсемъ иначе. Началъ усвоѣчлнннн; и когда они не помогли, то совершенно зловоручу дѣвухну сбѣгали большой и отправили въ лазаретъ. Къ счастью, «дамы» вскорѣ одумались: воспитаницу выпустили, и одна изъ благодѣтельныхъ особъ при этомъ до того расчувствовалась, что захотѣла обдѣлывать неповинную дѣвухну, но та благообразно отказалась.

Енисейскъ (корресп. «Восток. Обозр.»). Въ ожиданіи прѣзда новаго енисейскаго губернатора г. Педаненко, масса чиновниковъ,

по большей части выгнанныхъ со службъ*), въ средѣ которыхъ много оставшихъ, причислалась къ совѣту въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей, тѣмъ болѣе потому, что губернаторъ чѣмъ-вѣкъ новымъ и личностей ихъ не знаетъ; зная же по опыту, что всякій прѣздъ вѣятельнаго лица всегда вызываетъ перемѣненіе и смѣну чиновниковъ, они, какъ воробьи, почуявъ добычу, слѣтались на нее и по всей вѣроятности многие изъ нихъ запознать темнымъ мѣтамъ, на которыхъ будутъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока жалобы и стонъ населенія не усилятся и volens-nolens обратятъ вниманіе главной мѣстной администраціи, которая въ свою очередь, чтобы успокоить населеніе, поступаетъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: она переводитъ виновное лицо, какъ-бы въ видѣ воощренія, въ другое мѣсто, гдѣ оно болѣе или менѣе, хотя на первое время, безопаснѣе отъ злобы населенія, которое, по большей части, ограничивается однимъ жалобамъ, рѣдко прибѣгая къ борьбѣ съ своимъ «барникомъ». Такъ напр. воспитѣль въ нашей газетѣ застѣатель бѣльскій—Лушниковъ, переводится въ Ачинскій округъ, гдѣ и отъ прежнихъ земскихъ властей населеніе воздохнуть не можетъ. При такой земской власти, спрашивается, къ чему приведетъ вновь преобразованное общественное управленіе государственныхъ крестьянъ; не обратится ли оно въ полную фикцію?

Вызвать случаи, что чиновникъ обличенъ и уличенъ въ прессѣ; надо бы думать, что или въ газетѣ должно явиться опроверженіе взведенныхъ на него обвиненій, или чиновникъ долженъ лишиться мѣста; ни того, ни другого; напротивъ, мы видимъ его расплачивающимъ бутылку шампанскаго съ «самими его» стемломъ», прѣказаннымъ въ уздѣ на одинъ день до какой-то ревизіи, которую ева ли онъ можетъ тщательно пронзвѣсти въ такой короткой срокъ. Спрашивается теперь: при чемъ же тутъ печаль, какое ея знаніе въ нашемъ краѣ? мы знаемъ только, что все стало, все обдѣлчлннн вызывають иногда запросы и объясненія, которыя въ концѣ-концовъ скоро забываются и виновное лицо попржему сидѣть прочно и безмечтуетъ. Чѣмъ объяснить это явленіе? Высшеіе чиновники объясняютъ это отсутствіемъ якобы людей, но мы, на пнжннхъ ступеняхъ стоящие, этому не вѣрнмъ, потому, что знаемъ много людей-тружениковъ, людей честныхъ, которымъ нѣтъ мѣста у этой трапезы; нѣтъ потому, что они люди бѣдные, не льстецы, да къ тому же и не безъ образованія, котораго у насъ не любятъ; вторыхъ, беззаказности, невозможности судебного прѣдвѣданія лицъ виновныхъ держитъ сидящихъ прочно на своемъ насненномъ мѣстѣ; въ-третьихъ, присутствіе генералъ-губернаторской власти (которую въ жалобѣ выине нельзя обойти) болѣе часто немнѣважное, дѣлаетъ нашихъ чиновниковъ сѣзкимъ до безобразія. Губернаторская же власть, какъ-бы тоже не забываетъ многого мы говоримъ это имѣя въ виду опытъ прошлыхъ лѣтъ. Для насъ, жителей, былъ страшнѣе не губернаторъ, а начальннхъ отдѣленія, какой нибудь Бекетовъ, Устюжаниновъ etc. Эти люди, занимая мѣста, близкаія къ своему патрону-губернатору, понятнот, наживались, богатѣли, какъ отъ мнрннннн, такъ и отъ своего брата чиновника, бѣжавшаго къ нимъ на поклевку, съ просьбою мѣстечка и т. п. Такъ недавно на нашихъ глазахъ одинъ невидный чиновничекъ, бывшій много лѣтъ въ отставкѣ, едва ли даже небывшій подъ судомъ за какую-то недостатку, но имѣющій большія деньги и създвнвшій въ Красноярскѣ, прѣбрѣзая жирное мѣсто горнаго исправника, хотя въ качествѣ исправнннн

*) Въ последнее время прогнанные чиновники изъ Западной Сибири вѣхали на службу въ восточную ея половину, гдѣ охотно принимались бывшими губернаторомъ Лохвицкимъ.

того должностю, но это ничего не значит—вѣрно умьслъ другой тутъ есть. Теперь онъ ходитъ на заднихъ лапкахъ черезъ своими другими хозяевами, золоторышленниками, чтобы, получивъ ихъ расположение, приобрести мѣсто «настоящаго», «дополнительнаго» исправника, которому ужъ нѣтъ ни начала, ни конца, который всегда «будетъ», благо у него ловкій писемоводитель, бывшій присковскій служащій, чумазый, но теперь уштаннйй и похойй ужъ на чиновника дѣлецъ. Недавно я былъ свидѣтелемъ, какъ вновь испеченный исправникъ увялалъ передъ однимъ сильнымъ мира золоторышленнаго. Знаа слабую сторону этого мира—побыти работчицъ съ промысловъ, онъ прежде всего налегъ на розги, благодаря которымъ и содѣйствию стакана водки, подаваемой исправникомъ каждому выданному рабочему, побыти, какъ оговѣщавъ онъ, прекратились. Другіе же утверждаютъ что побыти нынѣ увеличались. Уклонился отъ главной дѣли корреспонденціи. «У кого что болѣтъ, тотъ о томъ и говорить», говорили старики, и мы не можемъ не говорить объ этихъ неинтересныхъ вообще исправникахъ, имъ же нѣтъ числа»).

Съ отъѣздомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири въ Петербургъ мы все надѣялись, что онъ къ намъ не возвратится и что мы будемъ избавлены отъ лишней «инстанціи», нѣрлько только тормозящей дѣло, но ожиданія наши не суждено было осуществиться; вмѣсто того, чего мы дѣдали и чаяли, намъ обѣщано что-то туманное. Какая-то судебная реформа, только не реформа въ полномъ смыслѣ, какіе-то засѣдатели, только не судебные слѣдователи, какіе-то суды, но только не нпровые намъ обѣщаны, да и то вводить предоставлено усмотрѣнію мѣстнаго начальства, да и отъ этого до дѣла, до осуществленія, большой шагъ. Скажу откровенно, что мы, жители Сибири, ничему этому не вѣримъ; обновленіе нашей родины у насъ хоти и ожидаемъ, но не отъ генералъ-губернаторской власти. Пока же здѣсь, въ Сибири, мы ничѣмъ неощущаемъ признаковъ появленія какой либо серьезной реформы, одна только тишь, да рубъ на нашей земной юдоли плача; ни жизни, ни движенія не ощущается въ виду какъ бы такой серьезной реформы, которая въ другомъ мѣстѣ вызвала бы говоръ, обсужденія, толки печати, у насъ же все безмолвствуетъ; молчитъ и мѣстная печать. При насѣ зла въ Сибири, свобода печати первая насущная потребность общества. Ее мы ждемъ давно. Англія продолжаетъ овладѣвать сибирскимъ обществомъ, всѣ стремленія, интересы сосредоточиваются попрежнему на наживѣ денегъ и въ желаніи хорошо поѣсть, попить. Время отъ времени возникающія ходатайства, въ родѣ ходатайствъ енисейской и Иркутской думъ, суть ни болѣе, ни менѣе какъ вснышки, исходящія отъ одного какого нибудь энергичнаго лица, болѣе или менѣе поддержанныя сочувствующимъ имъ обществомъ, сохраняемъ еще въ себѣ добрыя начала, которыя должны развиться, воскреснуть при другихъ лучшихъ условіяхъ.

Барнаулъ (корреспонд. «Восточнаго Обозрѣнія»). Всѣ доходящія статьи, принадлежащія горнымъ инженерамъ по праву специальности, трудно перечислать даже въ перечень. Это цѣлая наука. Но инженерамъ и всего этого оказывалось мало,—они взяли въ свои руки также предметы, неимѣющие ровно никакого отношенія къ ихъ специальности. Питательное дѣло, тотчасъ же по уничтоженіи откуповъ, всецѣло пришло къ рукамъ инженеровъ; одинъ изъ нихъ, отклонивъ въ сторону свою специальность, специально занялся выдачею разрѣшеній на право открытія кабаковъ, для чего

каждогдно собираетъ въ Барнаулъ, для личныхъ объясненій, со всего Алтайскаго горнаго округа кабатчиковъ, именуемыхъ декабристами (съѣздъ бываеъ обыкновенно въ декабрь). Винокурное производство отдано въ монополію, а дѣны на вино доведены до максимумъ, почему и до настоящаго времени производится нещадное обирание алтайскаго населенія. Солонйа промышленности, по сложениіа акциза, въ силу непонятныхъ комбинацій, перешель окончательно въ вѣдѣніе горныхъ и частію отдалъ одному инженеру, фигурирующему въ видѣ арендатора. Забѣательно, что и тутъ смыслъ Высочайшей воли извращенъ, народные интересы игнорированы и сложение акциза съ необходимншаго продукта, какъ въ домашнемъ хозяйствѣ, такъ и въ примѣненіи къ разнообразнымъ техническимъ производствамъ, сдѣлалось новымъ источникомъ жизни. Намъ остается только сожалѣть, что все жалобы по этимъ предметамъ и голосъ печати остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь. У строительной части инженеры захватили все болѣе значительная постройки, съ присвоеніемъ себѣ же права свидѣтельствовать и принимать работы, нѣрлько фиктивныхъ. Одинъ изъ начальниковъ придумалъ устроить въ рудникѣ Зырянковскій паровую водоотливную машину. Машина была дѣйствительно необходима, но цѣль начальника была болѣе реальная—дать этимъ оригинальнымъ, практикуемымъ давно на Алтаѣ, способомъ, приданое своему званію. При посредствѣ извѣстнаго прѣставителя инженерскихъ интересовъ, на машину ассигновано 200 т. руб., работы поручены званю сказаннаго начальника, который, ограничивъ почти безостаточнымъ израсходованиемъ денегъ, съездъ порученіе вполнѣ исполненнымъ, а себя вида достаточно обезпеченнымъ, не замедлилъ уѣхать отсюда, устроивъ только какую-то пародію на машину. Такимъ образомъ, богатѣйшій на Алтаѣ Зырянковскій рудникъ, доставляющій всѣмъ заводамъ руды, остается до сихъ поръ затопленнымъ. Алтай богатъ техниками, а потому, вѣроятно, скоро найдутся новые изобрѣтатели по части осушенія Зырянковскаго рудника и кончатъ, надѣемся, осуществленіе также опустошеніемъ кабинетскихъ касъ въ еще болѣе обширныхъ размѣрахъ, что составляетъ главную задачу дѣйствующихъ техникувъ.

Не желая утомлять читателя такими грустными фактами и развивать въ немъ желчь, мы на этомъ останавливаемся, полагая, хоти и неуверенно, что присланная сюда коммиссія уничтожить многотысячнне злоупотребленія. Неуверенность наша вытекаетъ изъ того, что сюда жалалъ коммисію не ревизионную, а съдѣственную, съ участіемъ прокурорскаго надзора; жалди примѣненія закона «о предупрежденіи способовъ уклониться отъ суда и съдѣствія»; жалди также самаго компетентнаго обвинителя, горнаго инженера г. Юшнера. Казалось бы, что, предупредивъ небрежь, горные дѣльцы должны бы, предъ лицомъ ревизиующей ихъ коммисіи, хоть сколько нибудъ замаскировать свою жизнь не по средствамъ, но ничего этого нѣтъ, — они живутъ попрежнему, не смотря на то, что никто изъ нихъ не можетъ представить на такую жизнь оправдательныхъ документовъ, а золотой секретаръ развѣжываетъ на тысячныхъ сѣропалочныхъ рыскахъ, качаясь, ломаясь, валаясь и нѣжась на ресоркахъ своей заново-отдѣланной коляски, возбуждая къ себѣ зависть, тѣмъ болѣе, что всякій знаетъ, на какія средства эта ворона облагается въ павлиныя перья. А между тѣмъ, нѣкоторые уже заявляютъ, что все пройдетъ хорошо, что въ Петербургѣ все обличена, кромѣ насмѣшекъ, ничего не вызвали, и что коммисія не пойдетъ противъ инженеровъ, они ругаются... Посмотримъ, что будетъ въ послѣднихъ числахъ іюля, при сдѣлѣ частнаго золота и появленіи въ Барнаулѣ сдѣтчиковъ съ присковъ?

*) Мы знаемъ какую роль играютъ въ Сибири исправники какъ злая и омерзительная язва. Въ Европейской же Россіи эти исправники давно не имѣютъ такой власти. Поэтоу поэтому, почему темой сибирскихъ корреспондентовъ являются такъ часто исправники.

времени до времени, корреспондировать въ вашу газету. На первый раз победую о кровавомъ событіи, разыгравшемся осенью прошлаго года на Командорскихъ островахъ. Суть дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. къ одному изъ Командорскихъ острововъ—Мѣдному—пристало американское судно «Дана», съ тѣмъ, чтобы сдѣлать запасъ воиъ. Съ судна были спущены три вѣльбота для этой цѣли. Когда они приставали къ берегу, съ послѣдняго, изъ-за высокой скалы, раздался залпъ выстрѣловъ, направленныхъ прямо на вѣльботы. Въслѣдствіе многочисленныхъ пробивъ, вѣльботы стали быстро наполняться водою. Въ видѣхъ облегченія вѣльботовъ, матросы поныскакали изъ нихъ прямо въ воду. Между тѣмъ, палуба продолжалась. Прекратилась она тогда, когда вѣльботы пристали къ судну. Собственно, ихъ пришло вѣтромъ къ судну. Въ концѣ-концовъ оказалось раненыхъ до восьми человекъ. Съ ранеными судно отправилось въ Петропавловскъ, куда оно и прибыло утромъ 31-го октября. На пути слѣдованія въ Петропавловскъ, трое изъ раненыхъ умерли на суднѣ. Въ Петропавловскѣ раненыхъ была оказана немедленно помощь докторомъ Дыбовскимъ. Въ числѣ раненыхъ, докторъ Дыбовскій нашелъ трехъ японцевъ и двухъ европейцевъ. Последние были болѣе изранены, чѣмъ первые. Такъ, у первого европейца, по фамилии Шмита, оказалось прострѣленною правая ладонь, вискокска, съ раздробленіемъ всѣхъ костей въ кисти, и еще дѣлая лонатка новыше паха. У второго же оказалось шестнадцать ранъ. Отъ сколькихъ пулъ — это неизвѣстно. Оказавшись у него прострѣленными обѣ руки и ноги, а также оба плеча. Что касается японцевъ, то у двоихъ изъ нихъ были прострѣлены обѣ ступни, а у третьяго—язвика. Для производства слѣдствія по настоящему дѣлу отправился на Командорскіе острова чиновникъ Кисенскій. Выѣхалъ онъ отсюда въ концѣ мая, на клиперѣ «Востникъ». Встаети замѣчу, что дѣломъ прошлаго года ѣздилъ туда изъ Иркутска чиновникъ, по фамилиі Слутковскій. Съ какою цѣлью — этого не могу пока сказать; скажу только одно, что Слутковскій, кромѣ двойныхъ прогонныхъ денегъ, еще получить за свою побѣдку, въ видѣ награды, пятьсотъ серебряныхъ рублей, и привезъ съ собою оттуда десять бобриныхъ шкуръ. По всѣмъ къ намъ приходилъ добровольцами: «Москва», «Россия» и «Нижній-Новгородъ». — безъ всякаго почти груза. Почему добровольцы потеряли весь грузъ у зѣвшихъ и амурскихъ купцовъ — въ другой разъ потолкуемъ объ этомъ. Осенью ожидаемъ прибытія переселенцевъ. Въ какомъ состояніи они придутъ къ намъ, гдѣ и какъ ихъ размѣщать, кто и какъ будетъ заботиться переселенческимъ дѣломъ, — объ этомъ тоже немедленно сообщать, въ случаѣ важности — телеграфомъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ТУРКЕСТАНА.

Въ № 267 Голоса за 1880 годъ помѣщена корреспонденція изъ Бугаиса отъ 15 сентября, въ которой говорится между прочимъ, что «вътѣ уже два года, какъ кавказское учебное начальство хлопочетъ объ обязательности преподаванія туземныхъ языковъ въ кавказскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Корреспонденція эта, знакомящая насъ съ разумными понятіями кавказскаго учебнаго начальства о необходимости преподаванія на ряду съ русскимъ языкомъ и туземные, — вызвала желаніе познакомиться лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія туземцевъ, — съ тѣми порядками, какіе существуютъ въ этомъ отно-

шеніи въ Туркестанскомъ краѣ, столицемъ въ дѣлѣ народнаго образованія совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ съ Кавказскимъ краемъ.

Идеи и порядки туркестанскаго учебнаго начальства далеко не сходятся съ желаніями кавказскаго: въ Туркестанѣ не желаютъ учить туземцевъ родному языку, въ ложномъ стремленіи къ скорѣйшей ассимиляціи туземцевъ. — на Кавказѣ же обученіе туземнымъ языкамъ признано, повидимому, необходимою.

У насъ въ Туркестанѣ въ главнѣйшихъ городскихъ училищахъ и гимназіяхъ находится немало туземныхъ дѣтей; послѣдніе обучаются всѣмъ предметамъ, исключая греческаго языка. Латинскій, какъ прежде, такъ и теперь, играетъ немаловажную роль въ числѣ предметовъ, обязательныхъ для инородцевъ.

Итакъ, взято изъ дикихъ стѣнъ киргизскаго, положимъ, мальчика незнающаго или мало знающаго русскій языкъ и грамоту, начинать уже начинать классическими и новыми языками! О родномъ же языкѣ и помину нѣтъ; развивать въ ребенкѣ знаніе роднаго языка оказывается несогласнымъ съ принципами туркестанскаго учебнаго начальства, хотя въ видѣхъ административныхъ, какъ увидимъ ниже, этотъ недостатокъ имѣетъ роковое значеніе.

Стремленіе или лучше сказать согласіе на приглашеніе начальства къ обученію туземныхъ дѣтей слѣдуетъ разивать въ средѣ взрослыхъ туземцевъ — родителей и попечителей. Одно изъ средствъ усилить расположеніе къ русской школѣ — это обученіе туземныхъ дѣтей и ихъ родному языку; видя, что языкомъ этимъ не гнушаются учебное начальство и администрація, туземцы съ большимъ желаніемъ будутъ отдавать своихъ дѣтей въ русскую школу, тѣмъ болѣе, что мусульманская грамота необходима для духовно-нравственныхъ дѣтей мусульманъ-киргизовъ и для житейскихъ нуждъ каждаго матаметанца.

Насколько важно знаніе туземныхъ языковъ и грамоты въ средѣ туземнаго населенія, для лучшаго управленія народомъ, въ этомъ никто не сомнѣвается; отсутствіе такихъ знаній въ русскомъ человекѣ крайне опутительно; естественно и дико какъ-то видѣть туземца, незнающаго своего роднаго языка и грамоты.

Представьте себѣ, что киргизскій мальчикъ, кончившій курсъ ученія въ гимназіи, выходитъ изъ нея, опредѣляется на службу въ Туркестанѣ же, гдѣ у него родная сфера, и не можетъ въ зубъ толкнуть со своими же родичами: умѣетъ говорить, правда, но-русски, обязывается по-киргизски, но прочитать или написать ничего не можетъ, или же слишкомъ мало и неумѣло, за незнавіемъ родной грамоты и нуждается для чтенія мусульманскаго текста въ переводчикѣ-татаринѣ, бѣгломъ изъ Казани.

А что это за переводчики и много ли ихъ? Свѣдѣніи по этому предмету интересны.

Переподчики эти — болѣею частью татары, выходящіе изъ Казани, укловившіеся отъ рекрутскаго набора. Стѣнь, города и лебри разныхъ кочевковъ — переполнены этими выходцами. Они же услуживаютъ администраціи, являясь переподчиками туземныхъ языковъ у многоразличныхъ чиновниковъ — начальниковъ отдѣльныхъ частей и должностныхъ лицъ — судей, сѣдователей и проч. и проч. Помимо плохого знанія русскаго и туземнаго языковъ, эти татары отличаются болѣею скудностію нравственныхъ качествъ, а это обстоятельство весьма важно въ сферѣ такой дѣятельности, какъ судѣбная, слѣдственная, административная. Что пожелаетъ передать и какъ пожелаетъ господить переподчикъ, такъ и передается дѣло: соврать, перервать, умысленно передать другое и тутъ же на глазахъ и въ присутствіи самого чиновнаго лица научить своего клиента туземца — что слѣдуетъ отвѣчать на слова противника или долж-

востного лица—дѣло совершенно легкое для этихъ проходь-переводчиковъ, знающихъ сколько нибудь наши законы и слышащихъ въ туземной средѣ за законниковъ. Эти «законны» большіе имѣютъ весь и кредитъ въ средѣ туземной, чѣмъ сами начальники чиновники.

Вывести ихъ изъ должностной сферы болѣе чѣмъ желательно, въ видахъ сохраненія петины и авторитета русской власти. Что же дѣлается въ Туркестанѣ, чтобы обогатить это дѣло лучше? Ничего, даже болѣе чѣмъ ничего: принимаются мѣры, чтобы не было хорошихъ переводчиковъ; это проглядываетъ въ отсутствіи желанія администраціи позаботиться въ этомъ отношеніи.

Тѣ переводчики—русскіе чиновники и офицеры—которые еще служили въ Туркестанѣ изъ разныхъ округовъ Сибири, гдѣ они перешли до окончанія образованія въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, мало-по-малу передаются: одни кончаютъ службу, уходятъ на покой; другіе умираютъ, уноса богатый запасъ знаний, приобретенныхъ долготѣною службою въ степи и никому непердаваемыхъ.

Въ послѣднее лишь время замѣтно желаніе учить туземнымъ языкамъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ Ташкентѣ; но этого еще далеко недостаточно: нужно учить туземнымъ языкамъ во всѣхъ гимназіяхъ Туркестана, если не всѣхъ воспитанниковъ, то по крайней мѣрѣ мусульманскихъ мальчиковъ.

При недостаточности учебныхъ часовъ на этотъ предметъ, можно бы поступиться нѣсколько древними классическими языками, къ которымъ, вѣтати сказать, не видно влеченія въ туземныхъ мальчикахъ: умъ ихъ направленъ и склоненъ къ математическимъ наукамъ и вообще занимаемъ реальнымъ.

Заговоривъ объ ассимиляціи русскихъ туземцевъ, считаемъ нужнымъ остановиться на этомъ вопросѣ и показать, въ какомъ направленіи она идетъ и какіе сдѣлала успѣхи. Идетъ она путемъ отрицательнымъ и успѣхи сдѣлала значительные и тоже отрицательнаго характера. Русскій народъ здѣшній, преимущественно казаки—для русскаго дѣла ассимиляціи не сдѣлалъ ничего, а наоборотъ сами усвоили степные обычаи: вся степь, и сибирская и туркестанская, сбросила свои казачьи одежды и облеклась въ туземные хаалаты и говоритъ и изъясняется предпочитаетъ по-киргизски.

Эти факты самые неопровержимые. Все это дѣлается во-очію. Не безобразно ли и не больно ли для славянскаго самолюбія?!

Такимъ образомъ неинтеллигентный элементъ—киргизскій по-тому-то поборолъ интеллигентный—русскій. Каательно же ассимиляціи туземнаго населенія путемъ народнаго образованія, можно сказать, что стремленія администраціи въ этомъ направленіи, при всѣхъ условіяхъ, не приведутъ ни къ чему. Дѣло же сдѣлано давно и весьма основательно бѣлыми татарами-муллами и разными уголовными бродягами изъ сартовъ, казаковъ и прочихъ народностей края. Вся степь обвѣдала уже татарско-мусульманскими школами, вся степь уже начинаетъ молиться аллаху мусульманскимъ способомъ... И вѣдь такіе успѣхи сдѣланы въ самое короткое время, на нашихъ глазахъ! Время ушло, степь омусульманилась и воротиться къ прежнему состоянію затруднительно и невозможно даже никакими средствами.

Что же сдѣлано нами для образованія туземцевъ? Утверждено нѣсколько интернатовъ, гдѣ обучается и воспитывается до 30 мальчиковъ (изъ нихъ $\frac{1}{3}$ часть русскіе, для дивизионной роли), которые и будутъ развивать въ народной средѣ русское начало. И только.

Нужно было бы начать пошире и съ дальняго расстоянія. Нужно было бы прежде всего ввести обязательное обученіе русскому языку во всѣхъ татарско-мусульманскихъ туземныхъ школахъ и

безъ этого условія не допускать существованія туземныхъ школъ, развивающихся въ ужасной прогрессіи благодаря все болшему и болшему наплыву татаръ-казанцевъ и разныхъ ученыхъ-святошъ, на ряду съ наукою эксплуатирующихъ именемъ аллаха тощія карманы туземнаго кочеваго населенія.

Правда, вопросъ о народномъ образованіи занималъ администрацію въ Ташкентѣ, гдѣ и было нѣсколько комиссій съ начала семидесятихъ годовъ; комиссія настраивала учебниковъ и руководила для обученія туземцевъ примитивно къ русской транскрипціи; но дѣло не пошло.

Учебники лежатъ въ кладовой и дѣло народнаго образованія отдается, заглушаемое громкими подвигами учебной администраціи по части открытія гимназій, прогимназій, семинарій и т. п. съ лихорадочною торопливостію, на счетъ туземнаго кармана, изъ котораго цѣтъ немало денегъ на содержаніе женскихъ гимназій, гдѣ нѣтъ ни одной туземной дѣвочки, и проч. Дѣло же народное, дѣло народнаго образованія остается нетронутымъ и дается все болшее времени и простору къ прочному укорененію принциповъ, вредныхъ и враждебныхъ русской гражданственности.

КЪ ОПИСАНІЮ ВЫСТАВКИ¹⁾.

(Письмо изъ Москвы).

Сибирскій отдѣлъ на московской выставкѣ не свидѣтельствуетъ о богатствѣ обширнаго края. Онъ занялъ самое скромное мѣсто на ряду съ малоприводительными губерніями Россіи. Ничего сколько нибудь выдающагося, никакихъ раритетовъ не видно. Вся коллекція разбѣдена по двумъ небольшимъ простѣнкамъ, все скучено въ такомъ порядкѣ, въ какомъ распределяются старья вещи въ еврейскихъ лавочкахъ. Напримѣръ, извѣстные и единственные по качеству барнаульскіе полубубки перемѣшаны съ киргизскими вепами, а сверху ихъ развѣшаны, музыкальные инструменты остяковъ. Въ витринѣ, вмѣстѣ съ золотшвейными работами Туринскаго монастыря, лежатъ вещи киргизскихъ цѣнныхъ издѣлій: ложки, чашки, рога, и тутъ же красивые холсты тобольскихъ инородцевъ и тюменскіе шерстяные пояса. Однимъ словомъ, все сложено въ кучу, кому нужно—пусть самъ разбираетъ. Видно, накануне своего трехсотлѣтія, Сибири не было суждено показать лицомъ товаръ и наглядно засвидѣтельствовать о своихъ богатствахъ.

Разсматривая ворохъ сложенныхъ предметовъ, а также вещи случайно попавшія въ другіе павильоны выставки, намъ постыдливо съ остановить вниманіе на слѣдующемъ: въ коллекціи зерновыхъ хлѣбовъ, помѣщенныхъ въ сосновыя ящики, между витринами изъ чернаго дерева русскихъ земледѣльцевъ, мы нашли виды шведскіхъ бѣло-турки, краснокозоски, кубанки и семипалатинки, которые могли бы поспорить по своимъ качествамъ съ самыми лучшими хлѣбами южно-русской подосы. Коллекція показываетъ границы распространенія этихъ видовъ хлѣба и степень перерожденія китайки и семипалатинки при посѣвахъ въ Тобольской губерніи. Сита ручного издѣлія изъ женскаго волоса, представленныя крестьянномъ Фугаевымъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Интересна коллекція бараньей и верблужей шерсти различныхъ до-

¹⁾ Въ дополненіе къ письму нашего репортера, мы получали отъ компетентнаго и уважаемаго лица весьма обстоятельное описаніе выставки.

стоинствъ, и краски, употребляемыя въ Средней Азии для окраски шерстей при выдѣлкѣ ковровъ; при каждой краскѣ приложенъ образецъ окрашенной шерсти. Эта коллекція поучительна въ томъ отношеніи, что мы, при нашей обширной заводской и фабричной промышленности, до сего времени не можемъ конкурировать съ азіатскими народами въ выдѣлкѣ ковровъ, какъ по прочности красокъ, такъ и по прочности тканей.

Продукты скотоводства, сало и мыло Колмаковыхъ изъ Ялуторовскаго округа, не нуждающія въ похвалахъ, они были удостоены на парижской выставкѣ большой золотой медали. Точно также чрезвычайно хороши и дешевы, сравнительно, рыбные и мясные консервы Браунда, выдѣлываемыя въ Тобольскѣ. Обращаютъ на себя вниманіе, по дешевизнѣ и прекрасной выдѣлкѣ, тюменскіе ковры, представленные крестьянками Вяткиной и Лазаревой. Изъ Акмолинской области представляется коверъ, вышитый шелками и шерстями по армячннѣ, отличающійся необыкновенной прочностью, причемъ, что особенно важно, приложены всѣ незамысловатые инструменты, необходимые для выдѣлки подобныхъ ковровъ: походный киргизскій ткацкій станокъ, легко складывающійся въ три кубическихъ четверти, иглы, нитки, вилки и т. п. Прозрачный, какъ стекло, сибирскій мездровый клей Привинскаго, папую въ 1½ кв. арш., не имѣетъ себѣ соперниковъ на выставкѣ.

Предметы кожевеннаго производства Сибири далеко уступаютъ русскимъ; вообще, эта промышленность въ Сибири начала падать съ того времени, какъ начались легкія поставки этого товара въ интендантства; но за то скорняжій промыселъ выставилъ образцы чрезвычайно рѣдкіе. Черные полушубки, представленные томскими мѣщанами Хандриковымъ, Карповымъ и Дроздовымъ, выдѣланные по способу Гуляева въ Барнаулѣ, представляютъ замѣчательное усовершенствованіе въ производствѣ. Къ сожалѣнію, на выставкѣ публики мало обращаетъ на нихъ вниманія, въ виду подавляющей массы самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Барнаульскіе полушубки необыкновенно легки на вѣсъ, мягки и имѣютъ на наружной сторонѣ ворсу, на подобіе суконной. Вымоченный подъ дождемъ, полушубокъ при просушкѣ не коробится; залоснившаяся отъ продолжительной носки наружная сторона его легко восстанавливается чайнымъ отваромъ.

Обращаютъ на себя вниманіе холсты изъ крапивы, ковры изъ осоки, приготовленные въ Тобольскомъ округѣ, но мы не намѣрены составлять списокъ всѣмъ доставленнымъ изъ Сибири предметамъ, а желаемъ только сообщить, что этотъ отдѣлъ, даже въ томъ безпорядочномъ видѣ, въ какомъ онъ явился на выставкѣ, имѣетъ за собой много интереснаго. Всѣхъ экспонентовъ отъ Западной Сибири насчитывается болѣе 400, болшинство принадлежитъ Тобольской губерніи и Акмолинской области, самая малая часть—Томской губерніи. Выставленные предметы, однако, далеко не обнимаютъ всѣхъ видовъ производительности края. Дѣя мѣстныхъ промышленныхъ выставки въ Тюмени, устроенныя въ семидесятыхъ годахъ, имѣли болѣе 1,500 экспонентовъ и заняли 34 павильона. Въ первой выставкѣ участвовала одна только Тобольская губернія, а во второй къ ней примкнула и Томская. Это служитъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что Западная Сибирь и на московской выставкѣ могла бы занять довольно видное мѣсто; но, говорю, ей на этотъ разъ не посчастливилось, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, сборъ коллекціи производился безъ участія частной инициативы, путемъ административнымъ, посредствомъ предписаній засѣдателямъ и волостнымъ пса-

рямъ; во-вторыхъ, не было послано при коллекціи делегата, который бы заблаговременно позаботился какъ о выборѣ мѣста на выставкѣ, такъ и о распредѣленіи коллекціи въ систематическомъ порядкѣ. Въ свое время былъ поданъ совѣтъ составить коллекцію для московской выставки при содѣйствіи членовъ мѣстнаго отдѣла географическаго общества и послать съ ней уполномоченнаго делегата, но совѣтъ этотъ начальствомъ былъ игнорированъ. Въ концѣ марта транспортъ съ сибирскими вещами былъ отправленъ, а 24 мая экспоненты-сибиряки, прѣхавшія въ Москву на выставку, нашли свои произведенія нераскупоренными. На вопросъ: гдѣ наши вещи?—получили отвѣтъ: не знаемъ, намъ не до васъ. Къ этому же времени приспѣла реформа, уничтоженіе западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, стало быть, и сношенія съ выставкою чрезъ главное управленіе Западной Сибири прекратились. Наконекъ, 27 мая, благодаря полевенно генеральнаго консула Бера, сибирскія коллекціи были помѣщены на выставкѣ. Въѣ счастливыми оказались тѣ экспоненты, которые не подлились утѣшаніямъ исправниковъ доставить свои произведенія въ вспомогательные до выставкѣ комитеты, не предпринявъ перспективной казенной пересылки вещей, а сами привезли свои произведенія въ Москву. Они нашли для своихъ издѣлій мѣсто и витрины чрезвычайно удобныя, а этотъ фактъ весьма поучителенъ на будущее время.

Въ концѣ-концовъ остается только пожалѣть о даромъ потраченныхъ хлопотахъ и расходахъ на составленіе сибирской коллекціи, а еще болѣе придется пожалѣть, если и тѣ немногія вещи, которыя представлены на выставку, затеряны при пересылкѣ, блуждая по правленіямъ, канцеляріямъ, волостямъ, и не попадутъ обратно въ руки экспонентовъ; а это легко можетъ случиться, и вотъ почему: въ 32 § правилъ Высочайше утвержденного положенія о выставкѣ сказано, что по закрытіи выставки экспоненты сами претупаютъ къ ~~уничтоженію~~ уничтоженію произведеній. Произведенія, невзятыя въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, представляются въ распоряженіе Высочайше учрежденной комиссіи. Спрашивается теперь, кто же будетъ собирать эти коллекціи, и если бы комитетъ, управляющій дѣлами выставки, взялъ на себя этотъ трудъ, то кому онъ ихъ будетъ отправлять? Центральное управленіе Западной Сибири уничтожено, стало быть, нужно будетъ разбирать вещи по губерніямъ и областямъ, входившимъ въ составъ до-реформенной Западной Сибири, а это поведетъ къ неминуемой путаницѣ, и многіе предметы легко могутъ быть засланы совершенно не тѣмъ лицамъ, которымъ дѣйствительно принадлежать. Жалобъ не оберешься.

—5.

КРЕСТЬЯНЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ.

(Очеркъ второй).

III.

Тамъ, гдѣ поднимаются предгорья Салаирскаго края, мѣстность становится болѣе холмистою и покрытою черною—дѣйствительнымъ дѣсомъ самыхъ разнообразныхъ породъ, перерывахъ хмелемъ и ползучими растеніями. Мѣстами видны обнаженія, угловатые камни-гиганты торчатъ изъ мха, порой вырванное вѣтромъ-буреломомъ дерево обнажается, какъ когти, свои корни, въ которыхъ держатся куски камней и желѣзной охры. Все выдаетъ скрытое богатство металлообильнаго края Алтая. Тронутая кора,

накопанныя ямы, кучи руды желѣзной, свинцовой, серебряной, сваленныя въ лѣсу, показываютъ близость рудника. Расположенный въ холмахъ, онъ окруженъ прекрасною зеленью, среди которой темныя хвой чередуются съ веселой березой и кустарниками, дикіе шоны покрываютъ мѣстность и ярко сверкаютъ группами. Рудникъ имѣетъ видъ обыкновеннаго заводскаго селенія. Пососнвшіея хижины мастеровыхъ, съ затянутыми брешинными окнами, старыя и новыя сараи, темныя норы шахтъ, пробѣгающія свѣтлая горная рѣчка и жалоба отъ нея къ промывальной машинѣ, закопѣтныя рудничныя народы, старый калѣка-нищій, группа разгулявшихся бергаловъ, (присконыхъ рабочихъ), флегматичный торговецъ изъ лавки, подорительно расфранченныя въ ситецъ красавицы и вороты и пробѣгающій инженеръ въ щегольскомъ мундирѣ и новельхѣхъ эпюлетахъ,—вотъ обычная обстановка заводскаго селенія.

Однажды, часу въ двѣнадцатомъ дня, Дмитрій Бѣда (знакомый читателю) встрѣтилъ Некраса на одной изъ улицъ—скаго рудника.

— Куда идешь, Некрасъ? А, Некрасъ! окликнулъ онъ товарища, повернувшись и идя за нимъ слѣдомъ.

Но Некрасъ не слышалъ его и продолжалъ идти, уныло повуривъ голову. Бѣда долженъ былъ нѣсколько разъ повторить окликъ, пока тотъ, наконецъ, не остановился.

Пріятели поздоровались.

— Куда пошелъ? снова спросилъ Бѣда.

— Куда? повторилъ Некрасъ, какъ будто не вдругъ смекнувъ, о чемъ его спрашиваютъ, и медленно почесалъ затылокъ.—Да вотъ, вишь ты... опять къ отцу Семену ходилъ. Все обѣ сыновъ то хлопочу. Ну... а теперь къ Ивану Ивановичу иду; даве два раза заходилъ, да все, вишь, дома явту его.

— Ну, что же баючка-то?

— Баюшка-то? Да что... все то же. Пятнадцать рублей просить за свадьбу, не сбавляетъ; я ужъ и такъ, и сякъ,—все свое знай: меньше нельзя.

— Да онъ, гляди, того... не вышимиши ли? Новѣ, говорить, онъ больно запивать сталъ.

— Есть маненько, отвѣчалъ Некрасъ.—Кума Палагея сказывала, какъ, значить, съ иконами ходилъ, крѣпко былъ выпимши; а отецъ дьякономъ, такъ тотъ всю дорогу, какъ есть, гадовалъ. Срамъ одинъ!

— Что ужъ тутъ! Извѣстно, срамъ. Погоди маненько, ужо какъ просится, може добрѣе станетъ, смилуется, предложитъ Бѣда.

— Нѣтъ, ужъ гдѣ-жъ тамъ! махнулъ рукою Некрасъ.—Я вотъ къ Ивану Ивановичу иду, заработокъ сдавать; тутъ на мой пай рублей пятнадцать будетъ; да еще коня торгуютъ за тридцать рублей, вотъ оно на свадьбу-то и хватитъ.

— Да нешто ты еще не сдать заработокъ? спросилъ пріятели Бѣда.

— Нѣтъ. А ты?

— Эвона! Ужъ дня три, какъ сдать. По четыре рубля. Да вонъ и самъ Иванъ Ивановичъ идетъ,—привалилъ онъ, указывая пальцемъ на подхопившаго къ нимъ мужичку лѣтъ под-сорокъ, средняго роста, съ русой борошкой и типичной русской фязіономіей, одѣтаго въ коричневое драповое пальто.—На свадьбу-то, слышь, позови! крикнулъ онъ въ догонку Некрасу, быстро замашавшему на встрѣчу Ивану Ивановичу.

— Ладно,—не оборачиваясь, отвѣтилъ Некрасъ и, сжавъ

палку, отвѣсилъ поклонъ остановившемуся передъ нимъ Ивану Ивановичу.

— Здравствуй, братъ, здравствуй! отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ на низкій поклонъ Некраса.—Что скажешь?

— Да вотъ... до вашихъ милостей, Иванъ Ивановичъ. Принесъ вамъ...

— Почему? перебить его Сапоговъ, сразу смекнувъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Да почему люди, по тому и мы. Бѣда по четыре вамъ сдать,—ну, и я потому же.

— Дорого, паренъ! По три съ полтиной отдашь, такъ возьму.

— Что вы, Иванъ Ивановичъ! ужъ меньше-то четырехъ никакъ нельзя; по этой цѣнѣ всякой возьмешь. Лучше ужъ я къ Семенову пойду,—привалилъ Некрасъ, и надѣвъ шапку, хотѣлъ уже идти, когда Сапоговъ остановилъ его.

— Да ты какъ возьмешь-то? Товаромъ, али деньгами? спросилъ онъ Некраса, сообразивъ, что тѣ рубли, которые онъ передаетъ Некрасу деньгами, съ процентами вернуться къ нему на товаръ.

— Рублевъ на пятнадцать возьму товаромъ, отвѣчалъ Некрасъ.—Тутъ мой пай рублевъ на пятнадцать, а остальные—артельные. Сына хочу женить, Иванъ Ивановичъ.

— Ну, ужъ пожалуй, давай. Три рубли семействе цѣтъ копѣекъ я, такъ и быть, дамъ тебѣ,—какъ будто нехота согласился Иванъ Ивановичъ, зная очень хорошо, что отвезъ въ Россію золото, онъ навѣститъ, по крайней мѣрѣ, 2 р. на золотникъ, а провозъ одного или полуторахъ пудовъ, разумеется, ничего не будетъ ему стоить.

Иванъ Ивановичъ Сапоговъ былъ мѣстный купецъ, имѣющій нѣсколько лавокъ въ—скомъ рудникѣ и ведущій черезъ прикащикова развозную торговлю въ округѣ. Сына одного великоросскаго крестьянина, Сапоговъ былъ привезенъ въ Сибирь мальчикомъ и тотчасъ же по пріѣздѣ поступилъ въ услуженіе къ мѣстному торговцу. Онъ оказался такимъ ловкимъ и сметливымъ работникомъ, что скоро овладѣлъ полнымъ довѣріемъ хозяина, и когда этотъ послѣдній умеръ, Сапоговъ, тогда уже 30-лѣтній малый, женился на его вдовѣ, 50-лѣтней женщицѣ, и завладѣлъ такимъ образомъ всѣмъ состояніемъ покойника, умершаго бездѣтнымъ. Такъ какъ Сапоговъ отлично зналъ всѣ тонкости рудничной торговли, то дѣла его пошли очень хорошо, и капиталъ его годъ-отъ-году росъ и увеличивался. Онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ горными, и черезъ его руки шли на продажу съѣстные припасы, порохъ, свинецъ, желѣзо и мѣдь, а крестьяне несли ему золото.

Жизнь Иванъ Ивановичъ велъ аккуратную: въ скоромные дни ѣлъ щи съ капустой и кашу, а въ постные довольствовался рѣдкѣй съ квасомъ. По праздникамъ ходилъ къ обѣдѣ, каждый постъ говѣлъ и, по мѣстному выраженію, «постовалъ». Съ женой и прикащиками онъ былъ суровъ и деспотиченъ, а съ горными начальствомъ ласковъ, предупредителенъ и даже низкопоклоненъ. Всѣ его задачи и стремленія сводились къ одному: копить, копить и копить, какими бы путями ни было.

Перебрасываясь съ Некрасомъ отрывочными фразами, Иванъ Ивановичъ подвел его къ своему дому, выстроенному еще покойнымъ его хозяиномъ на одной изъ главныхъ улицъ—скаго рудника. Домъ этотъ былъ единственной роскошью, которую разбрѣшилъ себѣ Иванъ Ивановичъ, крайне умѣренный во всѣхъ своихъ требованіяхъ; онъ состоялъ изъ десяти комнатъ и занималъ собою почти цѣлый кварталъ.

Войдя въ кабинетъ, Иванъ Ивановичъ бросилъ картузь (фуражку) на письменный столъ, и, отворивъ ящикъ, досталъ изъ него вѣсы и гири. Некрасъ, перекрестившись на образа, сталъ поодаль, вынулъ изъ-за пазухи капсюль, наполненный золотомъ, и проткнулъ его Сапогову. Оказалось двадцать два золотника. Иванъ Ивановичъ съсыпалъ золото обратно въ капсюлекъ и, положивъ его на столъ, вынулъ деньги.

— Принеси еще, если будетъ, сказалъ онъ, подавая деньги Некрасу.—Самъ знаешь, я вашъ завсегданный покупатель.

— Знаю, знаю, Иванъ Ивановичъ. Принесу, какъ добудемъ; а покада—прощенья просимъ.

Онъ отвѣсилъ поклонъ и готовъ уже былъ выйти, когда изъ-за дверей прихожей раздался громкій голосъ, и въ комнату, гдѣ только-что совершился торгъ, вошелъ засѣдатель; за нимъ шелъ староста и нѣсколько понятыхъ.

Увидавъ ихъ, Иванъ Ивановичъ обомлѣлъ и такъ растерялся, что позабылъ спрятать капсюль съ золотомъ.

— А!.. Сидоръ Сидоровичъ! оправляясь, наконецъ выговорилъ онъ и сдѣлалъ шагъ на встрѣчу гостю, совершенно забывая, что капсюль съ золотомъ лежитъ на столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.—Милости просимъ... Милости просимъ, батюшка!

— Да я вѣдь не въ гости къ вамъ... я по дѣлу, отвѣчалъ засѣдатель, избѣгая смотрѣть на хозяина, и подойдя къ столу, увидалъ капсюль.

— Понятые! Не выпускайте этого человѣка, указавъ онъ на бѣднаго, перепуганнаго Некраса,—а ты, староста, поиди сюда; надо осмотрѣть вотъ это, и свѣсить... сколько тутъ.

Онъ взялъ со стола капсюль и передаетъ его старостѣ.

— Что тамъ? снова спросилъ Сидоръ Сидоровичъ, послѣ того, какъ староста развернулъ капсюль.

— Золото, вашескордіе, отвѣчалъ староста. — Шлиховое золото; да еще какое крупное-то!

— Свѣсьте его; надо составить протоколъ, рѣшительно сказалъ засѣдатель, и, не смотря на бѣднаго, взволнованнаго хозяина, обратился къ Некрасу.

— А ты затѣмъ здѣсь, любезный?

— А по своимъ дѣламъ, вашескоблагородіе, отвѣчалъ Некрасъ, нѣсколько оправляясь отъ испуга.

— По своимъ дѣламъ? переспросилъ засѣдатель, подозрительно смотря на бѣднаго, дрожащаго Некраса, робко прижавшагося къ притолкѣ двусторчатой двери.— Ну-тка, ребята, общитесь его.

Приказаніе было тотчасъ же исполнено понятными, выгнанными у него изъ-за пазухи деньги, аккуратно завернутыми въ сѣрую бумагу. Пересчитали; — оказалось 60 р. 80 к.

— Гдѣ ты взялъ столько денегъ? — спросилъ засѣдатель.

— Гдѣ взять? машинально повторилъ Некрасъ. — Гдѣ взять? Да... свой,—нервительно протянулъ онъ.

— Свой? усмѣхнулся засѣдатель, и обратился къ старшинѣ, вѣсившему въ это время вѣзоте у Сапогова золото.—Сколько тамъ? спросилъ онъ, и когда старшина опредѣлилъ ему вѣсъ въ двадцать два золотника, сѣлъ писать протоколъ, велѣвъ запечатать золото. За подписью его, подъ протоколомъ подписался старшина, понятые и, наконецъ, послѣднимъ долженъ былъ подписаться Сапоговъ. Онъ было заупрямился, но когда засѣдатель пригрозилъ ему катажалкой за сопротивление власти,

подписался и покорно выслушать объявленіе налагаемаго на него домашнего ареста.

— Я долженъ это сдѣлать, какъ-бы извинился засѣдатель, — потому что у васъ въ домѣ нашли шлиховое золото.

Онъ хотѣлъ уже выйти, когда въ прихожей послышался женскій голосъ, и въ комнату вошла жена Сапогова, неуклюжая, толстая старуха.

— Что это у тебя, Иванъ Ивановичъ народу-то столько набиралось? Точно на сѣзкій праздникъ, — начала она и, увидавъ засѣдателя, поздоровалась съ нимъ.

— Да вотъ у вашего мужа на столѣ нашли шлиховое золото, сказалъ засѣдатель, но Сапогова перебила его:

— Золото? У него золото? Полноте, Сидоръ Сидорычъ! Откудова у насъ будетъ золото? Развѣ, можетъ, подкинулъ кто? Здѣсь вѣдь народъ-то какой! — сами чай знаете! Крестьяне намъ ужъ давно грозятся, — вотъ и сдѣлали. Вы насъ вѣдь не первый годъ знаете, Сидоръ Сидорычъ...

— Подкинулъ кто, или нѣтъ — покажетъ съдѣвіе, перебила ее засѣдатель и, простившись съ ней и съ хозяйникомъ, вышелъ со старостой и понятными, приказавъ первому отвѣсти Некраса въ катагалу.

По уходѣ ихъ, Сапоговъ долго не могъ придти въ себя отъ испуга и неожиданности.

— «Кадылы... острогъ... шепталь онъ, неподвижно смотря куда-то въ пространство.

— Что же ты стоишь-то какъ осоловѣлый? — крикнула на него жена.—Говорила я тебѣ, что не слѣдъ заниматься этимъ дѣломъ, что втрескаютъ тебя эти мошенники; мало тебѣ торговли-то? Вотъ и выгнутавайся теперь какъ знаешь! О, Господи! Разоренье одно! Послать что ли за Петромъ Петровичемъ? Онъ вѣдь съ Сидоромъ Сидоровичемъ приятели. Господи, Господи! Да какъ это вышло-то все, ума я не приложу... недоумѣвала она, разводя руками и вопросительно смотря на мужа, въ прѣжней безнадѣжной позѣ стоявшаго посреди комнаты.

Онъ ничего не отвѣчалъ ей; да и что могъ онъ отвѣчать, самъ не зная, какъ все это случилось? Онъ, конечно былъ бы осторожнѣе, еслибы зналъ, что земская полиція, въ лицѣ Сидора Сидоровича, давно уже слѣдитъ за купномъ шлиховаго золота. Когда отъ попавшагося Васки не могли узнать ничего опредѣленнаго, его выпустили на поруки и стали слѣдить, куда онъ ходитъ, съ кѣмъ знается. Такимъ образомъ узнали о дружбѣ Васки съ Вѣдой и Некрасомъ, а вѣздемъ затѣмъ стало извѣстно, что тотъ и другой ходятъ къ Ивану Ивановичу; начали слѣдить, караулить и наконецъ донесли засѣдателью, что Иванъ Ивановичъ самъ провѣлъ къ себѣ Некраса. Тогда засѣдатель взялъ старосту съ понятными и, незамѣченный, проникъ въ домъ Ивана Ивановича; черезъ створчатую стеклянную дверь онъ подглядѣлъ всю процедуру купли и продажи и поймалъ преступниковъ съ полиціимъ.

Вѣсть о находкѣ у Ивана Ивановича и объ арестѣ Некраса быстро распространилась по селенію и дошла до жены Некраса. Узнавъ, что мужъ ея засажень въ катагалу, испуганная женщина тотчасъ же бросилась къ нему и была допущена безъ всякаго затрудненія.

Катагалъ помѣщался шагахъ въ десяти отъ волости, при волостномъ правленіи, и состояла изъ сѣней и собственно катажалки, въ которую веда дверь съ прорубленными въ ней маленькими окошечкомъ. Дверь эта запиралась снаружи тяжелой желѣзной полосой. Комната была грязная, задымленная, съ русской печкой и нарами; сѣтъ

проходилъ въ нее черезъ два небольшихъ окна съ желѣзными рѣшетками.

Некрасъ сидѣлъ на парахъ, когда въ окно двери каталажки заглянуло женское лицо; онъ узналъ жену и быстро подошелъ къ двери.

— Что тебѣ, Палагея? спросилъ онъ ее, невольно ожидая услышать отъ нея какое-нибудь утѣшеніе.

— Что! Извѣстно что! Новидать тебя пришла. Вѣдь говорила я тебѣ: брось ты это проклятое ремесло; не слушайся,—вотъ и сиди теперь; можешь сойти еще,—куда я тогда съ ребятами дѣнусь, горемычная? причитывала Палагея плаксивымъ голосомъ.

Некрасъ молчалъ; у него и такъ было не легко на душѣ, а отъ словъ жены стало еще тяжелѣе.

— Хоть бы Вѣда пришелъ, что ли! сказалъ наконецъ Некрасъ, тихо стараясь придумать какой-нибудь способъ освобожденія.

— Придетъ, придетъ, быстро заговорила Палагея.— Я ужъ бѣжала къ нему, оповѣстила. На-ко вотъ, я пошла тебѣ принесла, вспомнила она и протянула мужу черезъ окно калачъ и луковницу.—Поѣшь, поддержишься маленьчко.

— Никакъ ты пришла къ окошку-то, тетка Палагея? раздался громкій, энергичный голосъ, и голова Вѣды показала въ окошкѣ рядомъ съ головою Палагеи.—Хлѣбъ съ солью, товарищ! привѣтствовалъ онъ Некраса.—Что? видно свадьбу справляешь? Да ты, Миронъ, пусти-ко насъ въ каталагу-то, обратился онъ къ каморнику.

— Не пушту! твердо сказалъ Миронъ.— И въ сѣню-то не велѣно пушайся, это такъ ужь.

Вѣда настаивалъ больше, зная непреклонную твердость Миронъ, вѣрнаго чербера каталаги, при которой онъ находился съ самаго начала образованія волости, т. е. дѣтъ десять, и не было примѣра, чтобы у него бѣжалъ арестантъ.

— Какъ это тебя угораздило? спросилъ Вѣда у Некраса и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—нашли золото?

— Нашли, угрюмо отвѣчалъ Некрасъ.— И золото отобрали, и деньги.

— И деньги? Ммъ! задумчиво промолвилъ Вѣда.

— Говорятъ, въ острогъ посадятъ, снова захныкала Палагея.

Ей никто не отвѣчалъ; Некрасъ молча жевалъ калачъ. Вѣда сосредоточенно задумался. Въ это время, въ сѣни каталаги начали собираться рабочіе изъ артели Вѣды и Некраса; каждый считалъ долгомъ заглянуть въ окно каталаги и спросить послѣдняго: «какъ это могло случиться»? Потому всѣ сошлись около окошка, загоглаголи и стали просить Миронъ пустить ихъ въ каталагу. Но Миронъ остался непоколебимъ и пригрозилъ выгнать всѣхъ изъ сѣней, если будутъ приставать. Это подбѣстало, толпа затихла; начались толки и совѣты, какъ выйти изъ бѣды. Одни предлагали отдать по рублю съ рыла письмоводителю засѣдателя, но Вѣда отнесся къ этой мѣрѣ съ недоверіемъ. По рублю! усмѣхнулся онъ.—Давай Богъ, чтобы по три-то възялъ, а то, вишь—«по рублю»!

Поднялся опять содомъ; больше всѣхъ шумѣли рабочіе изъ партіи Некраса: имъ было жаль золота и денегъ, приходящихся на ихъ пай. Никто не соглашался пожертвовать тремя рублями изъ своего пая, говорили, что всѣ эти деньги должны отдать Некрасъ, и обвиняли его въ неосторожности. Больше всѣхъ горячился Перфиль и не хотѣлъ уступить изъ своего пая ни одной копейки.

— Стой, Перфиль! остановить его Вѣда.—Что, если

баринъ задержать всѣ деньги и ты не получишь ни гроша? Что тогда?

— Что тогда? переспросилъ Перфиль.—Ну, разумѣется, Некрасъ долженъ мнѣ отдать ихъ.

— А гдѣ онъ ихъ возьметъ?

— Гдѣ возьметъ? А гдѣ хотеть, мнѣ-то что! у него вонъ за Сапоговымъ есть свой пай, да корова, да лошади.

— Не дѣло говоришь, Перфиль, замѣтилъ Вѣда.—Мой совѣтъ попытаться, не возьметъ ли по рублю письмоводитель, и ежели не возьметъ, такъ дать по три. Богъ далъ, Богъ и вьзялъ, говорить пословица; намъ лишь бы товарища выручить.

Совѣтъ Вѣды поддержали его товарищи по артели; но убѣдить Перфила имъ удалось только послѣ большихъ усилій, и то съ помощью старика Миронъ, объявившаго, что онъ сейчасъ же прогонитъ строптивыхъ.

Вѣда былъ выбранъ ходатаемъ; порѣшили сказать, что деньги, отобранныя у Некраса, принадлежали ему и отданы имъ Некрасу за кулѣнаго у него Вѣдой коня; и-которые изъ присутствующихъ согласились быть свидѣтелями и, въ случаѣ нужды, подтвердитъ подъ присягой, что Некрасъ дѣйствительно продалъ коня Вѣдѣ, нуждаясь въ деньгахъ къ свадьбѣ сына, и зашелъ къ Сапогову съ цѣлью переговорить съ нимъ о покупкѣ товара и сторговаться заранѣе.

Вѣда вполне подчинился рѣшенію товарищей и отправился въ канцелярію засѣдателя, чтобы предварительно переговорить съ его письмоводителемъ. Изъ предъидущей сцены читатель, конечно, догадывается, въ чемъ должны были заключаться эти переговоры.

Д. Нелюбинскій.

НАВРОСКИ СИБИРСКАГО ПОЭТА.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

Прежде всего, имѣю честь доложить читателю, что положеніе наше съ нимъ самое завидное: не утруждая себя первобытными порядками и несправностями сибирскихъ дорогъ, намъ предстоитъ возможность перенестись изъ города въ городъ и, подобно пчелѣ, собирать съ любого цвѣтка медъ, хотя и не особенно благоуханный. Разстоянія для насъ будутъ ничтожны, и цвѣтовъ мы жалѣть не будемъ, ибо, какъ извѣстно, наша Сибирь постоянно цвѣтетъ... будь это принято даже въ смыслѣ плѣсени. Къ сожалѣнію, далеко не процвѣтаютъ только многіе сибирскіе города; по крайней мѣрѣ, въ этомъ можетъ убѣдить насъ изданная на-дняхъ хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ книга подъ заглавіемъ: «Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири». Разбирая названную книгу, «Новое Время» замѣчаетъ, между прочимъ:

«Общій же выводъ изъ чтенія описанія различныхъ городовъ можно сдѣлать тотъ, что только тѣ города въ Сибири развиваются, которые лежатъ въ южной е степной полосѣ; чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ развитіе медвѣнее. О городахъ-же на дальнемъ сѣверѣ, со-зданнымъ болѣе по административнымъ соображеніямъ, и говорить нечего—положеніе ихъ ужасно».

Допустимъ, что это такъ; но намъ крайне любопытно было бы знать, о какихъ это городахъ южной степной полосы говорить петербургская газета? Ужъ не о такихъ ли, какъ Атбасаръ, Кочкетавъ, Павлодаръ и т. п.? Помилуйте! да какое же тамъ развитіе? Вѣдь это именно и

суть тѣ самые искусственные города, о которыхъ упоминаетъ рецензентъ. Обратимся теперь къ приведенному имъ же, весьма характерному описанию наружности города Верхоянска:

„Постройки города возведены совершенно безъ плана и даже не образуютъ собою улицъ. Дома безъ скатныхъ крыши и по большей части не обшиты тесомъ, съ высокими неуклюжими трубами; потолка снаружи обмазаны глиной и покрыты толстымъ слоемъ земли, который и замѣняетъ крышу; окна безъ стекла, въместо которыхъ вставлены льдины...“

Рецензентъ, очевидно, возмущился этимъ и прибавилъ отъ себя:

„При такомъ способѣ постройки домовъ неудивительно, что не только инородцы, но и нѣкоторые русскіе обыватели живутъ въ юртахъ“.

Чудесный городъ, не правда ли? Прочитавъ его описаніе, я встрепеталъ, и у меня просто потекли слюнки: да вѣдь это настоящая Аркадія! Именно, я не только не возмущился, а напротивъ—возникаетъ, ибо въ наше жестокое время антипаліа къ всему интеллигентному, только въ такомъ первобытномъ городѣ и можно благодушно укрыться отъ всяческихъ цивилизованныхъ напастей. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я даже схватился за перо...

Градъ, построенный безъ плана,
Градъ безъ улицъ и безъ крыши!
Ты-ль сибирскаго баяна
Простотой не вдохновишь?

Замѣнивши стекла льдиной,
Доказавъ ты, что въ нашъ вѣкъ
Не культурою одной
Живъ и счастливъ человекъ.

Эти трубы, неуклюже
Уходящія въ лазурь,
Говорятъ намъ, что къ тому же
Ты не вѣдаешь и бурь.

И когда спадетъ завѣса
Лжи, летучая уми,—
Всѣ лечиться отъ прогресса
Въ Верхоянскъ поѣдемъ мы!

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, переселимся-ка, господа, въ Верхоянскъ... Если тамъ не будетъ лучше, то вѣдь и хуже не будетъ, а за то удовольствіе-то какое—смотрѣть на всевозможныя иллюзіи сквозь обманчивыя льдинки!

Ужъ истинно можно сказать, что дары судьбы распределены неравномерно, даже и по отношенію къ городамъ. Въ то время, напримеръ, какъ почтенный Верхоянскъ шеголяетъ безъ улицъ, не менѣе его почтенный Минусинскъ обзавелся сразу двумя помощниками исправника. Вотъ что пишеть объ этомъ въ «Сибирскую Газету» минусинскій корреспондентъ:

„Изъ новостей дня, приводящихъ въ недоумѣніе наше общество, слѣдуетъ отмѣтить небольшое и въ какомъ другомъ городѣ Россіи Ишери, одновременное существованіе въ Минусинскъ, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, на равныхъ правахъ службъ и полученіи казеннаго жалованья, двухъ помощниковъ исправника: Д—ва, утвержденного въ этой должности уже болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, и В—скаго, бывшаго недавно подъ сѣдѣніемъ, но неуловеннаго отъ должности. Оба служатъ, по только съ небольшою разницей. Д—въ служитъ въ полиціи, а В—скій служитъ... попомомъ исправнику, въ качествѣ компаніона, по цѣлымъ неделямъ, на охотѣ на дупелей. Что сей сонъ означаетъ?“

Да ровно ничего не означаетъ, кромѣ благоденствія.

Два помощника... скажите!
А исправника — не два?
Минусинцы! отслушайте

Въ молебствіе сперва;
А потомъ, когда водомъ
Васъ святою окропять,—
Все пройдетъ само собою
И, вдобавокъ, васъ гурьбою
Дупеля благословятъ.

А вотъ врядъ-ли дождется такого же благословія отъ своихъ рабочихъ нѣкто г. Б., подвизающійся, по словамъ газеты «Сибирь», слѣдующимъ патристическимъ образомъ:

„На Б. винокурномъ заводѣ, принадлежащемъ г. Б., въ 28 верстахъ отъ И—ска (какая чисто-сибирская скромность въ отношеніи собственныхъ имѣній!), производится постройка паровыхъ и новаго каменнаго винокурнаго завода. Рабочихъ болѣе 1,000 чел. Заработывать въ мѣсяцъ—минимумъ 25 р., максимумъ 70—100 руб. По окончаніи мѣсяца, являясь въ контору за полученіемъ денегъ, они получаютъ записки, разбивающія имъ заборъ въ заводской лавкѣ на заработную суму, а денгами—ни копѣйки. Передавали намъ очевидцы, что, напримеръ, салоги изъ заводской лавки, стояще 7 р., въ другой лавкѣ, въ тотъ же день и часъ, рабочими обманились за 2 р. наличныхъ. Ропотъ общій. Неужели это правда? Вѣдь это—того...“

Да, дѣйствительно, того... а впрочемъ—вещь весьма естественная, хотя и заслуживаетъ баллады, на правахъ сверхъестественнаго сюжета. Попробуемъ...

Тамъ, гдѣ смотритъ власть зажмуреннымъ
Окомъ, вѣрная себѣ,—
На заводѣ винокурномъ
Продѣлываетъ нѣкто В.

Деньги Б. гребеть лопатами,
Выжимая мѣстной соекъ,
Но не любитъ самъ уплатами
Безпокоитъ комелекъ.

Свой расчесть всегда товарамъ
Б. съ рабочими ведетъ—
Сапогами, шараварами,
Лавкѣ собственной въ доходѣ.

Ставить дѣны Б. жидковскія
И, радѣя о себѣ,
Про рабочихъ мнитъ: «Таковскіе!..“
Ваше имя, милый Б?

А въ самомъ дѣлѣ, очень интересно было бы узнать: вы, г. таинственный Б., не тотъ ли именно В—нѣ, который, по словамъ газеты «Сибирь», отстоялъ недавно единственную въ городѣ Черницкѣ площадь, предаванную было мѣстной думой къ застройкѣ деревянными лавками? По этому поводу, названная газета ехидно замѣчаетъ:

„Что г. В—нѣ былъ, есть и будетъ по гробъ жизни патристъ своего отечества—Черницка, т.е.—это извѣстно всѣмъ и каждому“.

Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ рѣшаемся мы повторить нашъ вопросъ: это не одинъ ли и тотъ же г. В. въ духу вѣлостей г. Б. В. В.? Кто бы это?

Какъ бы то ни было, но н—скій винокуръ В., въ отношеніи мастерства наживы, имѣетъ очень опаснаго соперника въ лицѣ содержателя вольной аптеки въ Семипалатинскѣ. Сей находчивый аптекарь ухитрился продавать обывателямъ... какъ вы думаете, что?—обыкновенную воду по 5 коп. за стаканъ. Недурно? Не вѣрнѣе? Такъ прочтите, пожалуйста, въ «Сибирской Газетѣ» слѣдующее сообщеніе семипалатинскаго корреспондента:

„По случаю сильныхъ жаровъ, въ городскомъ саду производится содержателемъ вольной аптеки торговля минеральными водами (самаго худшаго качества), а за недостаткомъ ихъ и простой холодной воды, по 5 коп. за стаканъ...“

О, времена, времена! Ну, какъ же тутъ не восклик-

нуть: Сибирь решительно прогрессирует! В старину ду- маш, что нельзя строить жилища на пескѣ, а теперь и вода может служить опорной точкой... для будущего до- строения. Невольно скажешь:

Какъ ловил антeкаp-тa, —
Посудите, господа:
Пусть-бы аqвe dissilata,
А то просто вѣдъ—вода!

Если ужъ пошло дѣло на курьезы, то вотъ вамъ, въ заключеніе, и еще одинъ, чисто-сибирскій свойство. Мы слышали, что въ богоспасомомъ градѣ Ушаковскѣ (а если такого не окажется, то, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ другомъ) давали недавно торжественный обѣдъ по случаю возвра- щенія въ объятія сего града его начальника. При этомъ, однимъ изъ обывателей была произнесена, пригрозно, слѣ- дующая рѣчь:

„Гг. общественники! гг. собутыльни! Известно-ли вамъ, чѣмъ мы обязаны нашему достоужаемому NN? Мы ему обязаны тѣмъ, что городъ нашъ по сію пору не разрушило землетрясеніе, что онъ стоитъ на мѣстѣ, и его не коснулся ни градъ, ни морь, ни наводненіе...“

Тутъ нѣсколько голосовъ прервали оратора восклица- ніемъ: — «За то коснулись пожары!» Но онъ невозмутимо продолжалъ:

„Безъ достоужаемаго и благодѣтельнаго NN, у насъ не было бы золота, — онъ открылъ его; не было бы фабрикъ и промышлен- ности, — онъ насадилъ ихъ! Безъ него мы не имѣли просвѣщенія и ходили подобно дикимъ звѣрямъ, nobody другъ друга. Онъ просвѣ- тилъ насъ, онъ ходатайствовалъ за наши нужды (хоча это и не убѣждало усѣбкомъ), — и все это онъ совершилъ...“

„Единымъ своимъ краснорѣчіемъ“ подхватили нѣсколько голосовъ.

Вотъ что называется расчувствоваться: хвалить, такъ ужъ хвалить! Только не черезъ край ли хвачено, «гг. общественники?» Говорятъ, что торжество заключилось тостомъ въ честь какого-то артиста, сидящаго въ тюрмѣ за подлоги, — тостомъ, конечно, достойнымъ цыной компа- нии. Какъ видно, на сибирскомъ обѣдѣ недостатало только поэта. Но мы, изъ понятнаго чувства патриотизма, беремся сейчасъ же восполнить эту крупную пробѣлу. Наполнимъ бокалъ обленхивой наливкой и умиленно про- возглашаемъ:

О, ты, всемустрый, всемогущій,
Начальникъ, нынѣ и отені!
Не вѣрь компаніи сей вѣшней,
Какъ издѣлавшей въ концѣ.
Ужъ сколько лѣтъ одно и то же
Она сорокою твердитъ,
И рѣчь ея (прости мнѣ Боже!)
Протухлымъ омузетъ разитъ.
Не вѣрь ей, свѣточъ просвѣщенія!
Едва лишь кончишь твой срокъ,
Она тебя безъ сожалѣнія
Ругнетъ и въдолъ и понерекъ.
Ты не послѣдній и не первый,
Кого провель сей оміямъ:
Сегодня онъ цѣкочетъ перья,
А завтра они вѣсть намъ...

Но тутъ, предполагается, меня шумно прерываютъ, а остальное потрудитесь ужъ вы сами, землякъ-читатель, доподлиннѣ вообразеніемъ.

Сибирскій поэтъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Первый актъ египетской драмы оконченъ. 12-го сентября (31-го августа) англичане, сосредоточивъ всѣ свои главныя силы, напали на египтянъ при Тъль-эль-Кеирѣ и одержали вѣдую, рѣшительную побѣду. Имъ удалось обойти кавале- рію флоти народнои египетской арміи и при этомъ захва- тить массу пѣхотныхъ. Послѣ героическаго сопротивленія, что по чувству справедливости засвидѣтельствовали и сами анли- чане, египетскія воиска отступили въ Загазину, англичане преслѣдовали ихъ, довершая поразеніе. Зѣбѣ, часть арміи положила оружіе, другая же успѣла скрыться ввутьр страны; Араби-паша бѣжалъ въ Каиръ, но долженъ былъ сдаться въ пѣлье. Въ Каирѣ вѣтушили англичане и приглашаютъ хедива возвратиться въ столицу Египта. Тенфкѣ, однакожъ, не довѣриетъ заявленіямъ о полномъ спокойствіи страны и ду- маетъ пробить нѣсколько дней въ Александріи. Говорятъ, что съ его прїѣздомъ въ Каиръ начнется судъ надъ вождями народнои партіи, которымъ будто-бы предоставлено будетъ право избрать защитниковъ. Судъ будетъ происходить публично. Англискія газеты трутѣть о героевѣи своихъ солдатъ, а «Times» высказываетъ въ томъ смелѣ, что если Анлія и не присоединитъ Египта къ своимъ владѣніямъ, то во всякомъ случаѣ утвердитъ надъ этой страной свои протекторатъ.

— Въ Ираніи, въ Лисригѣ, совершена смертная казнъ надъ Гейнсомъ, обвиненномъ въ аграрномъ убійствѣ. Дл предуржеденій народныхъ волненій, по дню казни были успены воиска въ городѣ, увеличено число конетѣлей и вѣче- рно успены составъ тюремнои стражи. Безпорядковъ не произошло. Во всѣхъ городахъ Ираніи совершаются колеб- ствія за упокоеніе души казненаго.

— Китайское правительство основало въ Гертфордѣ, въ сѣверной Америкѣ, воспитательное заведеніе, предназначе- нное для того, чтобы прививать молодымъ китайцамъ аме- риканскія идеи и нравы. Эти молодые люди предназначаются къ занятію впоследствии государственныхъ должностей. Около 150 человѣкъ дѣтей уже прошло съ 1876 г. черезъ Герт- фордъ. По прїѣздѣ въ Америку, дѣтей помѣщаютъ нансіона- рами въ американскія семьи, они посѣщаютъ общественыя школы и живутъ только во время лѣтнихъ каникулъ въ Герт- фордѣ, гдѣ китайскіе профессора настаиваютъ ихъ въ томъ, что имъ необходимо знать въ ихъ будущихъ должностяхъ. Пекинское правительство потратило 1½ милл. долларовъ на основаніе Гертфордскаго заведенія и щедро снабжаетъ его средствами («Вѣст. Европ»). Говорятъ, что мысль объ этомъ заведеніи принадлежала стороннику европейскаго просвѣщенія въ Китаѣ Ли-хунъ-дзяню.

— Намъ пишутъ изъ Калгана, что Китай къ чему-то усиливаетъ свои воиска на всѣхъ границахъ съ Россіей и во всѣхъ своихъ портахъ. Черезъ Калганъ въ Ургу вышѣн- ной весной увезено на выхъ много солдатъ, причѣмъ бывше тамъ назадъ не воротились и не воротятся. Если бы это была только обыкновенная смѣна, то ушло бы равное количество находящихся въ Ургѣ; но ушло въ нѣсколько разъ болѣе. Не успѣли появиться первая незначительная партія этихъ солдатъ въ Ургу, какъ онѣ начали дебоширствовать и наноси- ть оскорбленія русскимъ купцамъ: вѣзжали на лошадахъ въ лавки, говорили дерзости и даже пускали въ ходъ нагайки. Дебоши эти прекратились только послѣ ежедневныхъ и не- однократныхъ заявленій консульства китайскимъ сановникамъ.

СОБЫТІЯ РУССКОИ ЖИЗНИ.

— Всероссийская выставка въ Москвѣ, лѣтняя прекра- тить свое существованіе 1-го сентября. Высочайшимъ повѣ- лѣніемъ продолжена еще на мѣсяць, вслѣдствіе наплыва ино- странныхъ и провинціальныхъ.

— По слухамъ, будетъ отменена статья закона, согласно

которой засвидѣтельствоваши наших посольствъ, миссій и консульствъ въ документахъ и актахъ, слѣдующихъ въ наши присутственные мѣста, подлежатъ пересвидѣтельствуванію въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Такое двойственное удостовѣреніе представляло большія неудобства и промедленія въ дѣлахъ,—и уничтоженіе статьи будетъ принято сочувственно, особенно отдаленными окраинами. Такъ напр. сибирское торговое сословіе значительно выиграетъ. Документы засвидѣтельствоваши, подлежащія въ нашемъ китайскомъ посольствѣ, съ уничтоженіемъ 2-го примѣчанія въ 914 ст. X т. не будутъ уже препровождаться въ Петербургъ, въ азиатскій департаментъ, чѣмъ сократится значительная проволочка времени.

— Въ Николаевѣ дума постановила въ день коронаціи сложить 30,000 руб. подомки съ бѣднѣйшихъ жителей города. Такое христіанское празднованіе торжественнаго дня вѣроятно не останется безъ подражанія.

— На мѣсто товарища министра народнаго просвѣщенія, назначенъ егермейстеръ Высочайшаго Двора князь Волконскій. Бывшій товарищъ министра г. Марковъ получилъ иное назначеніе.

— По словамъ «Медицинскаго Вѣстника», въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ съ 13-го августа по 4-е сентября поступило 815 р. 40 к.

— Въ «Указателѣ правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ» опубликована вѣдомость о поступленіи государственныхъ доходовъ и о производствѣ государственныхъ расходовъ за первую половину текущаго года. Сравнительно съ первымъ полугодіемъ 1881 года, доходы увеличились на 19,000,000, а расходы уменьшились на 23,500,000 рублей. Главная статья, увеличившая доходъ,— это питейный акцизъ. Онъ увеличился на 14,500,000, а въ общемъ далъ казѣ громадную цифру дохода въ 116,500,000 рублей.

— 2-го сентября прибылъ въ Петербургъ японскій принцъ, фельдмаршалъ японской арміи и вице-канцлеръ Ариугава-Но-Мія.

— Его высочеству черноморскому князю представлялась депутація отъ петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества.

— Въ нынѣшнемъ году, въ Швейцаріи получили дипломъ врача двѣ русскія женщины: Марія Тило и Ольга Гортянская. По этому поводу газета «Врачъ» замѣчаетъ, что теперь нашимъ женщинамъ останется одинъ путь для изученія врачебной науки,—это заграничныя университеты.

— По слухамъ, въ министерствѣ юстиціи разсматривается проектъ закона объ увеличеніи наказанія за дуэль.

— На фрегатѣ «Петръ Великій» въ Петербургъ прибылъ извѣстный путешественникъ Н. Н. Миклуха-Маклай, пробиравшій 12-ть лѣтъ въ Новой Гвинѣи.

— У насъ до сихъ поръ не было строгаго разграниченія между политическими преступниками и лицами, подвергшимися административному аресту за тѣ или иные наветы или за надвиганія у нихъ при обмѣкѣ какія-нибудь книжонки, возбудившія него, благодаря бывшему Ш прѣдлѣнію, явилось громадное число политическихъ смѣльчихъ, которые освобождаются теперь отъ оныхъ особою комиссіею, учрежденною при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что министерство юстиціи занято вопросомъ объ опредѣленіи точнаго понятія политическаго преступленія. Какъ слышала газета, предполагается установить три степени: 1) политическими преступниками будутъ считаться лишь тѣ лица, жизнь которыхъ затянута дѣйствіями въ области политическихъ преступленій; 2) лица же, участвующія въ приобритеніи недозволенныхъ цензурою изданій, должны подлежать прокурорскому вѣнцу. Запрещенныя произведенія будутъ конфискованы и уничтожены; 3) практикованнѣйшее до сихъ поръ явныя полицейскія надзоры надъ извѣстными лицами будутъ практиковаться только въ отношеніи тѣхъ, по

дѣлу которыхъ производится то или другое дознаніе о ихъ благонадѣжности, и то лишь на самое короткое время.

— Газеты сообщаютъ о томъ, что образована особая коммисія для пересмотра положенія о присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ. Какъ слышно, предполагается совершенно уничтожить адвокатское самоуправленіе и закрыть уже существующіе совѣты. («Страна»).

— Въ рѣчи непрѣжняго секретаря академіи наукъ, сказанной въ общемъ собраніи 20-го августа, замѣчено о подаркахъ, какія сдѣланы и имѣются въ виду сдѣлать академіей въ минувшій публичный музей. «Съ удовольствіемъ усмотрѣвъ изъ описанія (музея) тѣ результаты, которые при небольшихъ средствахъ музея достигнуты имъ въ короткое время, благодаря усердію его комитета, академія препроводила въ музей собраніе изданныхъ ею сочиненій, болѣе или менѣе относящихся къ исторіи и географіи Сибири и прилежащихъ странъ, а также положила передать въ него въкоротке изъ числа дублетовъ зоологическаго музея».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

«Das system des Urals von C. Niekiisch. Dorpat, 1882».

Съ тѣхъ поръ, какъ жившій слѣшкомъ 2000 лѣтъ назадъ знаменитый врачъ Гиппократъ впервые упомянулъ объ Уральскихъ горахъ, извѣстныхъ ему подъ названіемъ Равенскія, написано о нихъ немало, но свѣдѣнія эти очень разбросаны и нѣкоторыя по своей рѣдкости даже трудно доступны. Нельзя поэтому не приветствовать появленія книги г. Хилкина, приняшаго на себя трудъ скоординировать извѣстное объ Уралѣ въ орographicкомъ отношеніи.

Представивъ хронологическія очерки свѣдѣній о «Камни» съ древнѣйшихъ временъ до начала нынѣшняго столѣтія, авторъ переходитъ къ описанію отдѣльныхъ частей хребта отъ южныхъ его предгорій—Мугоджарскихъ горъ—до продолженія его или скорее Пай-Хоя на Новой Землѣ.

Мѣстами изложеніе сухое, скучное, носитъ слѣды торопливости работы; такъ напр., въ книгѣ не приняты какой либо одиной меридіанъ за исходный, а долготы даются то отъ Ферро, то отъ Гринвича, то отъ Парижа, то отъ Пулкова, многое сдѣлано скучно, съе пробы и въ соображеніяхъ свѣдѣній, и въ выводахъ на основаніи, но въ общемъ книга можетъ быть полезна при наведеніи блѣзкамъ справокъ о величійхъ европейско-сибирскихъ возвышеній.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 7 сентября Курсы на Лондонъ на 3 мѣс. 24³/₄ пенс. за рубль, на Парижъ 253¹/₂ сантим., на Гамбургъ 205¹/₂ пфен. Полуимпериалы 8 р. 21 к., рубль серебр. 1 р. 40 к.; 5⁰/₁₆ бан. Госуд. Банка 1 вып. 95, 2 вып. 91¹/₄, 3 вып. 91, 4 вып. 90¹/₄, 5 вып. 90¹/₄. Восточный заемъ 89⁷/₈, 5⁰/₁₆ Первый выпнр. заемъ 214¹/₄. Второй выпнр. заемъ 207¹/₂, 5⁰/₁₆ закл. лист. общ. заемъ позем. кред. (металл.) 128³/₄, кред. 83. Облгн. Сиб. гор. кред. общ. 87, Моск. гор. кред. общ. 86³/₄, 5⁰/₁₆ закл. лист. Тульск. зем. банка 81, 5⁰/₁₆ рента 99, закл. лист. земск. банка Кергуб. 92³/₄, 6⁰/₁₆ закл. лист. Харьк. зем. банка 94¹/₂, Тульск. зем. банка 94¹/₂, Моск. зем. банка 99, Тифлиск. зем. банка 87, Сар-Симб. зем. банка 87, Акціи Сиб. Учет. и Ссуд. банка 413, акц. Межд. ком. банка 364, акц. Волжско-Камск. ком. банка 425, акц. Сиб. торг. банка 340, акц. Центр. банка русск. позем. кред. 58, акц. Сар-Симб. зем. банка 53, акц. парох. общ. «Кавч. и Мерв.» 483, акц. парох. общ. «Самолетъ» 178, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 249¹/₄, акц. Юго-Зап. ж. д. 96³/₄, акц. Раб.-Вол. ж. д. 65¹/₄, акц. Грязь-Парнж. ж. д. 85¹/₄. Настроеніе биржи съ курсовъ крѣпче, съ бумагами оживленнѣе, Сиб. гор. общ. повысилась до 87, Раб.-Вол. акц. въ предложеніи по 65¹/₄, Дисконтъ отъ 6⁰/₁₆ по 7⁰/₁₆, акц. въ Лондонѣ 5⁰/₁₆, въ Парижѣ 3¹/₄ 0⁰/₁₆, въ Гамбургѣ 5⁰/₁₆.